

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

До́мик тетушки ЛЖИ

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Домик тетушки лжи

«ЭКСМО»

2001

Донцова Д. А.

Домик тетушки лжи / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2001 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Воистину жизнь полна чудес! Особенно у любительницы частного сыска Даши Васильевой. Погоревав о внезапной смерти Поли, дочери своей подруги, Даша явилась в морг забрать тело. А там ей сообщили, что девушка... ожила. Оказывается, она просто была в коматозном состоянии. И смех, и слезы! Теперь в Дашином загородном доме появился неостребованный гроб, в котором... спит питбуль. А потом случилось ужасное – Поля все-таки погибла, не справившись с управлением чужой машины. И Даша сразу же начинает поиски убийцы, ведь до этого в девушку стреляли, а в ее машине взорвалась сокурница. Но милиция считает все случившееся простым совпадением...

© Донцова Д. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	32
ГЛАВА 7	38
ГЛАВА 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дарья Донцова

Домик тетушки лжи

ГЛАВА 1

Труп не может уйти из морга на своих ногах. Свое последнее земное пристанище тело покидает в гробу на каталке, которую толкает с равнодушным лицом санитар. Но тому, что еще недавно было человеком, уже все равно, эмоции остались за чертой. Совершенно напрасно большинство людей до дрожи боится покойников. Мертвые никому не способны причинить зла, и, если подумать, опасаться следует живых. Но вот парадокс, мы знаем ведь, что усопший не нанесет нам вреда, и тем не менее не хотим оставаться с ним наедине в комнате.

Но Петя Ромов совершенно спокойно чувствовал себя в помещении около трупа. Собственно говоря, ничего сверхъестественного в данном факте не было. Петька учился на четвертом курсе медицинского института, собирался стать патологоанатомом, получал крохотную стипендию, имел дома мать-инвалида и подрабатывал в морге санитаром. Службой он был доволен. Во-первых, набирался опыта, стоя возле старенького Семена Дементьевича, лучшего в столице «доктора мертвых», во-вторых, получал зарплату, которая хоть и была отвратительно маленькой, но все же в несколько раз превышала стипендию, а в-третьих, родственники усопших постоянно совали ему в карман деньги и просили:

– Причешите, пожалуйста.

Или:

– Ты уж там поусердствуй, чтобы он (труп) прилично выглядел.

Петька старался. Накладывал грим, сооружал прически. Стариков ему не было жаль, что ж, отжили свое, пора и на покой, а вот при виде молодых людей, оказавшихся на оцинкованном столе, неприятно сжималось сердце. Словно ему кто-то напоминал: ты, Петька, тоже, того, можешь тапки отбросить...

Морг больницы имени Савинова, где служил Ромов, был старым, давно не отремонтированным зданием с изношенным оборудованием. Клиника создавалась еще во времена Николая II, и Петька подозревал, что ее за почти сто лет существования ни разу не ремонтировали. В морге не было всяких новомодных штучек типа шкафов-рефрижераторов, где каждое тело лежит на отдельной полке или в индивидуальном ящике. Нет, тут просто имелась «холодильная камера», примерно двадцатиметровое помещение, в котором поддерживалась минусовая температура. Трупы незатейливо лежали на каталках или на сооружении, больше всего напоминавшем нары.

1 декабря Петька дежурил ночью. Где-то около двух ему захотелось перекусить. Ромов потянулся, захлопнул учебник по патоанатомии и побрел в другой конец коридора. Там имелось нечто вроде кухоньки. Мойка, крохотный, развалившийся от старости холодильничек «Саратов» и электрический чайник, отнюдь не «Тефаль», а жуткий агрегат, никелированный монстр с носиком, произведенный еще в советские времена. Грелся он долго. Петька, собиравшийся развести кипятком «Обед за пять минут», терпеливо ждал, пока появится пар. Потом он не спеша съел лапшу в томатном соусе, выпил два стакана почти черного чая с сахаром, слопал булочку с маком и почувствовал в себе силы вновь углубиться в учебник.

Страхнув с клеенки крошки, Петька пошел назад в комнату, где полагалось сидеть дежурному. Путь лежал мимо трупохранилища. Поравнявшись с толстой дверью, Петька увидел, что она приоткрыта. Ничего странного в этом факте он не усмотрел. «Холодильную камеру» не запирали, да и к чему? Упереть оттуда было решительно нечего, просто притворяли створку, и

все. Впрочем, и замок в двери давно сломался, главврач, которому Семен Дементьевич принес заявление с просьбой о новом запоре, отмахнулся:

– Купим чуть позже, там вообще пора дверь целиком менять.

Это было правдой, створку перекосило, между ней и косяком образовались щели... Впрочем, менять в морге следовало все, начиная от столов и заканчивая линолеумом.

Петька помнил, что, когда он шел на кухню, камера была плотно закрыта, но проклянутая дверь то и дело приоткрывалась... Ромов со вздохом доплелся до хранилища и, прежде чем толкнуть надоевшую дверь, глянул внутрь.

Увиденное заставило его удивиться. В камере сегодня находилось три трупа. Два спустили из терапевтического отделения. Это были бабульки, мирно скончавшиеся в результате проведенного лечения. Третий привезли из приемного покоя. Молодая, красивая девушка умерла по непонятной причине и ждала очереди на вскрытие. Девчонка оказалась красавицей, и Петьке было ее дико жаль. Роскошная фигура, чудесные белокурые волосы, изящные руки, тело почти без всяких изъянов, просто победительница конкурса красоты, и скончалась. До больницы довести успели, а поднять в отделение интенсивной терапии уже нет.

Но сейчас на полке остались только бабки, девица исчезла. Петька вошел внутрь камеры и устался на клиенток. Бабульки мирно лежали, запрокинув головы, с ног свисали резиновые бирки. Ромов машинально прочитал: «Анна Константиновна Федотова, 1920 года рождения» и «Ольга Семеновна Потворова, 1926 года рождения». Окончательно растерявшись, Петька начал совершать совсем уж глупые действия. Сначала наклонился и посмотрел под полки, потом заглянул за шкаф. Трупа девушки не было нигде.

В полном недоумении студент дошел до дежурки и устался на телефон. Может, позвонить Семену Дементьевичу домой? Первый раз Ромову стало не по себе в морге.

Вдруг от двери послышался легкий шорох. Петька, стоявший ко входу спиной, резко повернулся и почувствовал, как земля начинает качаться под ногами, обутыми в дешевые корейские кроссовки.

На пороге маячила мертвая девица. Ее голубые огромные глаза смотрели прямо на перепуганного санитаря, белокурые волосы, спутанные и грязные, висели неопрятными прядями вокруг бледного лица.

Секунду труп смотрел на Петьку, потом вытянул вперед дрожащие руки и просипел:

– Помоги...

Конца фразы бедный студент не услышал, впервые в жизни лишаясь чувств, он успел вяло подумать: «Мама права, надо было идти учиться на химика».

Резкий звонок разбудил меня в половине седьмого. Будучи праздною, неработающей дамочкой, я никогда не встаю в такую рань. Мой день начинается в десять. Впрочем, так было не всегда. Долгие годы я, Даша Васильева, нищая преподавательница французского языка, имеющая двух детей при полном отсутствии мужа, вскакивала в то время, когда вылезают из кровати водители общественного транспорта. Утром, до ухода на работу, предстояло проделать много дел: почистить картошку на ужин, погладить белье, включить стиральную машину. Подавляющее большинство женщин занимается всем этим вечером, прибежав со службы. Но мой оклад по тем далеким временам составлял девяносто рублей «грязными», алиментов я не получала, поэтому, отбарабанив положенные часы, неслась либо к частным ученикам, либо на другие подработки... Дома оказывалась около одиннадцати и падала в кровать, чувствуя, что язык перестал меня слушаться. Руки, ноги еще кое-как повиновались, но вот мускульный орган, которым я безостановочно болтала на протяжении двенадцати часов, гудел так, как ступни у балерины, отплясавшей четыре новогодних представления подряд. И еще сводило щеки. Я считаю, что преподавательница обязана быть в хорошем настроении и улыбаться своим ученикам, поэтому к вечеру щеки немели так же, как и язык, и я ехала в метро домой,

продолжая по-идиотски ухмыляться. Сами понимаете, что вечером я была способна только на одно: шлепнуться в кровать, даже не помывшись. Поэтому все домашние дела сдвигались на утро, и будильник звенел над ухом ровно в пять. Если я что и ненавидела, так это настойчивое пиканье, издаваемое часами, – бип-бип-бип... Кто встает каждый день на работу, тот поймет. Поэтому, превратившись неожиданно в богатую даму, я первым делом вышвырнула из своей комнаты все предметы, способные звенеть по утрам. Будильники стоят в спальне у моего сына Аркадия и его жены Ольги, у Машки, моей дочери, его нет, хотя ей следует подниматься по утрам в школу. Но ставить к Манюне на тумбочку оружие часы абсолютно бессмысленная затея, девочка все равно не услышит сигнала. Нашу школьницу будит домработница Ира. Я, наверное, отвратительная мать, но каждый раз, слыша, как Ирка топает по коридору в Манюнину спальню, а потом мерно вскрикивает с первого этажа через равные промежутки времени: «Маня, вставай! Маруся, опоздаешь! Манюня, сейчас автобус придет!» – поглубже зарываюсь в подушку и мысленно благодарю дедушку Макмайера, заработавшего состояние. Если бы барон Макмайер не разбогател, если бы моя лучшая подруга Наташка не вышла замуж за его правнука, то мне пришлось бы самой спихивать Маруську с койки.

С Наташкой мы жили вместе много лет. Большинство друзей считают нас родственниками, а кое-кто держит за сестер. И хоть это не так, узы, связавшие нас, намного крепче родственных.

Неизвестно, как бы мы перебивались сейчас, но в девяностых годах Наталья ухитрилась выскочить замуж за чудовищно богатого француза Жана Макмайера.

Дальнейшие события очень напоминали перепев известной сказки про Золушку. Жан обладал огромным состоянием и не имел никаких родственников, ни прямых, ни кривых, поэтому после его смерти все богатство досталось Наташке, мне и детям.

Вот откуда у нас два дома, один в пригороде Парижа, другой в подмосковном местечке Ложкино, счет в банке и прочие радости жизни, и нам не надо считать не только рубли, но и тысячи.

Впрочем, мне не хочется, чтобы вы полагали, будто мы – те, кого называют «новыми русскими». Обладание большими деньгами не слишком изменило наши привычки, в доме все по-прежнему трудятся. Аркадий служит адвокатом, Ольга, или, как мы зовем ее, Зайка, работает на телевидении, ведет программу «Мир спорта», Маруська учится, Наташка неожиданно для всех превратилась в писательницу, ваяющую на французском языке отвратительно сладкие, но бешено популярные любовные романы.

Ничем не занимаются в нашей семье только три личности: мои внуки, Анька и Ванька, которым по малолетству не положено еще даже ходить в детский сад, и я. Мне решительно нечего делать. Преподавательская деятельность надоела до зубной боли, а ничего другого я просто не умею делать. Можно было бы заняться домашним хозяйством, но у нас есть домработница Ира и кухарка Катерина, а к внукам меня не подпускает няня Серафима Ивановна.

Поэтому мои дни протекают в ничегонеделанье, и я наконец-то получила возможность спокойно читать детективы и вставать в десять.

Но сегодня пришлось, взяв у Катерины будильник, вскакивать в несусветную рань. Сказать, что мне не хотелось этого делать, это не сказать ничего, и дело даже не в том, что пришлось вставать ни свет ни заря. Мне предстоял жуткий, ужасный день.

Я сползла на первый этаж и, клацая зубами от недосыпа, включила на кухне чайник. Заспанная Ирка появилась на пороге.

– Дарья Ивановна, идите в столовую, сейчас подам завтрак.

– Что ты, – замахала я руками, – о какой еде может идти речь в такую рань, я просто кофе глотну, а вы лучше приготовьте все в гостиной.

– Когда похороны? – спросила Ирка, зябко поеживаясь.

Я тоже вздохнула:

– В восемь нас ждут в морге с вещами, в десять выезжаем, кремирование в двенадцать. Думаю, к двум вернемся, так что накрывайте к этому времени.

– Не люблю поминки, – дернулась Ира.

А кто их обожает? Но надо же проводить человека в последний путь как положено, с блинами, кутьей и водкой...

– Ужасно, – не успокаивалась домработница, – такая молодая, здоровая, и бац, нету...

Я расстроено нахмурилась. Да, все верно, к сожалению, нам придется сегодня хоронить Полину Железнову, дочь мой близкой подруги. С Ниной Железновой мы вместе учились в институте, а Поля младше моего Аркашки на пару лет, ей в декабре этого года должно было исполниться только двадцать четыре. И вот, пожалуйста, не дожила двух недель до дня рождения! Я так и не знаю, что с ней произошло. Позавчера около десяти часов вечера Поля позвонила мне на мобильный и прохрипела жутким голосом:

– Даша, умираю...

Я понеслась к ней и застала девушку в бессознательном состоянии на полу, возле двери в кухню, рядом валялась телефонная трубка, из которой неслись короткие гудки, последним набранным номером был «03». Очевидно, Полина сначала позвонила мне, а потом попыталась вызвать врачей... Я моментально повторила вызов.

Приехавшие медики мигом погрузили несчастную в автомобиль и увезли. Когда я примчалась следом, мне сообщили, что Полина умерла от неустановленной причины. Самое ужасное, что мне не удалось донести жуткую новость до ее матери. Три года тому назад Нинушка, блестящая переводчица, свободно говорящая на трех иностранных языках, выскочила замуж за Теда Смита, американца, проживающего в провинциальном городке возле Лос-Анджелеса. Тед вполне обеспеченный человек, владелец местной газеты и радиостанции, Нинку он обожает, и Железнова живет теперь в Штатах.

Полина не поехала с матерью, ей предстояло получить в этом году диплом. Полечка просто проводила в США все лето.

Услышав о жутком происшествии, я мигом кинулась звонить Нинушке, но телефон в ее доме вещал радостным тоном на русском и английском языках: «Привет, мы уехали отдыхать, чего и вам желаем. Если хотите, оставьте свое сообщение, если нет, тогда перезвоните после пятнадцатого декабря. Чао!»

И вот теперь мне предстояло хоронить Полину. Продолжая трястись от холода, я влезла в машину, включила печку на полную мощность и поехала в Москву. Наше Ложкино расположено всего в нескольких километрах от Кольцевой магистрали, но воздух тут не в пример лучше столичного.

Припарковавшись возле малопрезентабельного здания, ободранного и покосившегося, я вошла внутрь и нажала на звонок, красовавшийся возле двери с табличкой «Категорически запрещен вход родственникам. Только для персонала».

Высунулся мордастый парень в не слишком чистом белом халате.

– Ну? – спросил он.

– Здесь вещи, – сказала я, протягивая чемоданчик.

– Чьи?

– Железновой Полины, – ответила я, ожидая услышать что-нибудь типа: «Давайте» или «Хорошо».

Но парень повел себя загадочно. Он мигом выскочил из-за двери и ласково сказал:

– А вам не сюда.

– Почему? – удивилась я. – В прошлый раз мужчина, такой полный, велел прибыть сюда первого декабря с вещами.

– Нет-нет, – быстро сказал санитар, – идите в клинику, третий этаж, спросите Королева Андрея Владимировича.

– Зачем? – недоумевала я.

Парень суетливо ответил:

– Мы люди маленькие, нам велят, мы делаем. Приказано родственников Железновой отправить к главврачу.

В полном изумлении я спросила:

– И вещи ему нести?

– Конечно!

– А гроб?

– Вы и гробик привезли?

– Естественно, – обозлилась я, – да что тут за порядки такие? Вы покойников родственникам в мешках отдаете? Ясное дело, должны одеть и уложить в домовину. Между прочим, я заплатила вашим коллегам по полной программе, и если они с вами не поделились, то это не мое дело. Впрочем...

Я вытащила из кошелька зеленую купюру.

– Возьмите и сделайте все нормально.

Но санитар удивил меня окончательно, он энергично замахал руками:

– Не надо, идите к Королеву, а гроб пусть пока в машине постоит, вы ведь его на катафалке привезли?

– Нет, – вышла я из себя, – под мышкой притащила. Поглупее что-нибудь спроси, а?

– Вы только не волнуйтесь, – заботливо прокудахтал парень.

Совсем дезориентированная, я вошла в основное здание, поднялась на третий этаж, распахнула дверь с табличкой «Главврач» и наткнулась на секретаршу самого противного, неприступного вида.

– Вам кого? – отчеканила дама, буравя меня ржаво-коричневыми, как крышка канализационного люка, глазами.

– Андрея Владимировича.

– Он знает, по какому вопросу?

– Меня послали из морга, я родственница Полины Железновой, сегодня...

– Ой, – сказал «цепной пес», изобразив на лице неумелую улыбку, – конечно, ждем вас, входите, входите, только не волнуйтесь. У вас сердце здоровое? Сейчас валокординчика накапаю.

Чувствуя, как едет крыша, я вошла в кабинет.

– Меня попросили в морге...

– Вы мать Железновой? – выскочил из-за стола полноватый мужик.

– Нет, – ответила я и, решив не пускаться в долгие объяснения, продолжала: – Я тетя.

– Садитесь, садитесь, – суетился главврач, – может, коньячку?

– Спасибо, слишком рано.

– Тогда валокординчику, – и он сунул мне под нос стаканчик с остропахнувшей жидкостью.

– Что случилось? – спросила я, машинально глотая лекарство.

– Да тут, так, однако, ерунда, одним словом, – замямлил Андрей Владимирович, – сколько работаю, не происходило такого... Просто черт знает что вышло, но мы не виноваты, хотя, если вы подадите в суд, пойму вас по-человечески, это же просто дрянь какая-то вышла!

Страшное подозрение закралось в мозг.

– Где тело Полины?

– Э, э, – занудил Королев, – э, в этом все дело, тела как такового нет!

– Как нет? – прошептала я. – Куда же оно делось?

– Ушло, – брякнул Андрей Владимирович.

По его виду было понятно, что разговор дается мужику нелегко. Лицо главврача покраснело, шея тоже, а лоб вспотел. Андрей Владимирович вытащил из кармана пиджака безукоризненно отглаженный платок и начал промокать испарину.

– Вы хотите сказать, что тело Поли разобрали на органы? – пробормотала я, чувствуя легкое головокружение.

– Я хочу сказать, что Полина жива, – резко выпалил Королев, – совершенно жива и, на наш взгляд, здорова, находится сейчас в 305-й палате.

Секунду я смотрела на потного врача, потом хотела встать, но ноги подкосились, и я рухнула на пол.

ГЛАВА 2

– Очень вы грубо, Андрей Владимирович, – проник в мое сознание высокий женский голос.

– Старался как мог, – бубнил мужской.

Я распахнула глаза и увидела две фигуры: одну в костюме, другую в белом халате.

– Вам лучше? – спросила дама и поднесла мне под нос вонючую вату.

– Не надо, у меня аллергия на нашатырь.

Вата исчезла.

– Что с Полей?

– Она жива, в 305-й палате лежит.

– Но как же так... Ведь сообщили о ее смерти, позавчера...

– Да, – закивал Королев, – ее и впрямь посчитали умершей, спустили в морг, а она в себя пришла, напугала санитаров до жути. Встала и вышла в коридор, наш парень чуть не умер.

На меня накатила дикая злоба.

– Мне ни на минуту не жаль вашего санитаров! У вас в клинике что, нет необходимой аппаратуры? Вы каким образом определяете смерть? А если бы мы отвезли ее живую в крематорий?

В полном негодовании я вскочила на ноги:

– Где Поля?

– В 305-й палате, – повторила женщина, – в лучшую положили, абсолютно бесплатно...

– Я ее немедленно забираю...

– Но за ней требуется уход...

– Не беспокойтесь, отвезу ее в платную клинику.

– Но мы для вас все сделали абсолютно даром, – лебезил доктор.

– Спасибо, не надо.

– Но...

– Отвяжитесь, – рявкнула я, – и отведите меня в палату, урод кретинский!

Андрей Владимирович молча пошел по коридору. Главврач не обманул, палата и впрямь оказалась просторной. На кровати полусидела Поля. Увидев меня, она сначала разрыдалась, потом спросила:

– Маме сказала?

– Нет, она уехала отдыхать.

– Слава богу, – всхлипывала Поля, – вот был бы ужас.

– Зато сейчас какая радость! – нехстати влез главврач.

– Сделай милость, – попросила я его, – исчезни, а?

Королев мигом испарился. Я плюхнулась на кровать чемоданчик, открыла крышку и приказала:

– Быстро одевайся, и уедем отсюда. Сначала к нам в Ложкино, а затем в другую клинику, где пройдешь полное обследование. Что у тебя болит?

– Ничего, – пожала плечами Поля, – только голова слегка кружится.

Меня тоже подташнивало, поэтому, вытряхнув шмотки, я велела:

– Ну, действуй, и бежим отсюда.

Поля покорно влезла в платье, колготки и устала на туфли.

– Эти откуда? У меня никогда таких не было!

Я вздохнула. Черные лодочки без каблука, напоминающие балетки, я купила в похоронной конторе. Сотрудник агентства, где я заказывала гроб, посоветовал:

– Возьмите у нас специальную обувь, а то обычные ботинки могут не влезть на ногу, она у покойных распухает.

– Надевай, не бойся.

– Странные какие, – произнесла Поля, – подметка словно из картона.

Я опять вздохнула, она и есть из прессованной бумаги, никто же не предполагал, что труп пойдет к катафалку на собственных ногах!

– Ничего, дошлепаешь до выхода, а там прямо в машину.

– А где пальто?

– Извини, не прихватила.

– Почему? – возмутилась Поля. – Зима же, хо-лодно.

– Вообще-то я собиралась тебя хоронить, – раз-веселилась я, – а в гроб несподручно в пальтишке укладывать.

Поля захохотала. В палату всунулся главврач:

– За документиками зайдите.

– Какими?

– Ну, выписка...

– Вы там написали фразу «после того как тело ожило, оно было отправлено в палату»? – ехидно поинтересовалась я.

– Нет, – растерялся Королев.

– Тогда нам ваша филькина грамота не нужна!

Первые, кого я увидела, спустившись вниз, были Аркадий, Зайка и Маня, одетые во все черное. О, черт! Я совсем забыла, что договорилась о встрече с ними в ритуальном зале. Я должна была приехать раньше, отдать вещи и ждать домашних.

– Это безобразие! – выкрикнула Зайка.

– Ну, мать, – качал головой Аркадий, – я знал, что ты безответственная, но чтобы до такой степени! Автобус ждет, куда гроб нести? И почему ты тут, а не в морге?

– Да, почему? – повторила за мужем Ольга.

– Мусечка, тебе плохо? – спросила Маня. – Хочешь валокординчику?

– У меня сюрприз, – весело сообщила я.

– Какой? – изумился Кеша.

– Здоровский. Встретила тут одну особу, думаю, вам будет страшно приятно ее увидеть!

– Дарья, – ледяным голосом заявила Зайка, – немедленно прекрати, у нас горе, похороны Полины, а ты...

– Ну погребение можно и отложить, – хихикнула я, соображая, как бы поделикатней сообщить домашним новость.

– Отложить? – протянул Аркаша и повернулся к Мане: – Ну, сестрица, это, похоже, по твоей части.

Маняша у нас собирается стать ветеринаром, и родственники иногда доверяют ей бинтовать свои порезанные пальцы.

– Ну, – продолжал Кеша, – что с ней? Реактивный психоз?

– Не знаю, – растерянно пробормотала Маня, – мы еще этого в кружке не проходили.

– Зачем мы вообще за тебя деньги платим, – обозлился брат, – что ты там учишь?

– Сейчас изучали кожных паразитов, блох всяких, власоедов, клещей, – принялась старательно перечислять Маруся, – и потом, я же еще не студентка, только в кружок при Ветеринарной академии хожу.

– Блохи, даже если они у нее есть, тут ни при чем, – парировала Зайка и повернулась ко мне: – Ты головой не ударилась?

Но мне надоела идиотская ситуация, и я крикнула:

– Поля, давай, выходи.

Полина выскользнула из-за колонны. Дети разинули рты и разом выронили на пол мобильные телефоны. Первой опомнилась Маня:

– Это кто?

– Я, – спокойно ответила Поля.

– Живая? – глупо спросил Кеша.

– Нет, надувная, – фыркнула девушка и вытянула вперед руку. – Хочешь, пощупай.

– Даша! – завопила Зайка. – Ты с ума сошла, придумала шутку! Ничего себе! Похороны, гроб, поминки!

– Мусечка, – подпрыгивала Маня, – ты решила нас разыграть? Ну супер! А Оксана-то с Деником на кладбище приедут! Во приколы! И Костя там!

Костя, жених Поли, отчего-то не захотел ехать в морг...

– Мать, – завелся Аркадий, синев от злости, – я даже от тебя подобного не ждал! Дегтярев специально отпросился и поехал за венком! Да вот он!

Я хотела было сказать, что сама только-только узнала новость, но язык прилип к гортани, потому что сквозь стеклянные двери протиснулся наш лучший друг полковник Дегтярев с роскошным венком в руках.

– Я думал, в морге встреча, – пробормотал Александр Михайлович, – почему вы в холле стоите?

Мы молчали. Полковник глянул на нас, увидел Полю, секунду смотрел на нее, потом выронил сооружение из роз и сказал:

– ...!!!

Поля преспокойно подняла венок из живых цветов, расправила красную шелковую ленту и с чувством прочитала:

– Любимой Полине от безутешного друга.

Потом она повернулась к Дегтяреву и хмыкнула:

– Ну, дядя Саша, прямо слезу вышиб. Между прочим, еще недавно ты говорил, что я невероятная балбеска и меня следует драть, как сидорову козу.

– Кто-нибудь объяснит, что тут происходит? – взвыл полковник, плюхаясь на колченогий стул.

– Мусечка нас разыграла, – подпрыгивала Машка. – Во приколы, даже круче пукательной подушки... Ну клево! Думали, Поля умерла, так переживали, плакали, а она живехонька...

– Разыграла? – протянул Александр Михайлович, вытаскивая сигареты. – Разыграла?

– Вовсе нет, – быстро сообщила я, видя, как в глазах приятеля загорается нехороший огонек, – мне бы и в голову подобная глупость не пришла, в больнице напутали...

– Твою голову могла посетить любая мысль, – сообщила Зайка.

– Совершенно согласен, – подхватил Кеша.

Я подавила тяжелый вздох. Аркашка и Ольга постоянно спорят. Если Зайке хочется сладкого, то Кешка моментально требует кислого, скандалы возникают у них мгновенно, они даже не могли договориться о том, какие шапочки нужно купить близнецам на зиму. Муженек хотел мутоновые, а женушка лисьи, в результате они так поругались, что пришлось мне нестись в меховой салон и приобретать капоры из песка. Встать на сторону кого-нибудь одного чревато для здоровья, потому что вторая сторона обозлится насмерть. И так у них всегда. Трогательное единение они проявляют только в одном случае: когда начинают меня пинать.

– Что делать будем? – поинтересовалась Маня.

– Домой поедет, – пожала плечами Поля, – к вам.

– А кремация? – невпопад спросил вконец обалдевший полковник.

– Ты хочешь меня сжечь живьем, чтобы не пропали денежки, заплаченные за урну? – развеселилась Полина.

– Тьфу, дура! – вскипел всегда вежливый Дег-тярев.

Мы пошли к машинам, и тут только я увидела Аню, маявшуюся около катафалка. Лицо девушки было бледным, нос распух, а глаза превратились в две щелочки, прикрытые красными веками. Да уж, бедная Анечка, лучшая подруга Поли, переживала ужасно.

– Чего гроб не берете?! – крикнул водитель. – Ехать уж пора, а то на кремацию опоздаем!

Аня дернулась и сиплым голосом сказала:

– Можно до крематория я поеду с кем-нибудь в машине, а то в катафалке...

И тут она увидела Полину. Секунду девушка смотрела на ожившую подругу, потом, пробормотав: «Чур меня, господи спаси», – бросилась бежать со всех ног в сторону ворот.

– Эй, Анька, погоди! – заорала Полина и кинулась за ней.

– Гроб надо вынести! – надрывался ничего не понимающий шофер.

– Не надо, – буркнул Аркадий, – езжай назад в контору.

– Как это? – оторопел водитель.

– Просто езжай, и все, похороны отменяются...

– Почему? – надсаживался мужик, явно впервые оказавшийся в подобной ситуации.

– Потому что вот она, покойница, за приятельницей несется, – спокойно пояснила Зайка. Шофер разинул рот.

В Ложкино мы вернулись около полудня, вошли в холл, где было задрапировано черной тканью огромное зеркало.

– Ира! – завопил Аркадий.

Домработница выглянула из гостиной.

– Неси шампанское, – велел хозяин, – да возьми в подвале, слева, на стойках, не «Вдову Клико», а «Мюет». По такому случаю следует на радостях распить вино высшего класса.

Ирка, обожающая Кешу и беспрекословно выполняющая все его идиотские указания, на этот раз возмутилась:

– Ничего себе радость! Бедная Полечка! Такая...

В этот момент Поля вошла в холл и гневно заявила:

– Ну и туфли! Жуткое дерьмо, подметки отлетели, иду босиком!

Ирка дико завизжала и кинулась опрометью на второй этаж, за ней понеслись все наши собаки, лая на разные голоса.

– Чистый дурдом, – вздохнула Зайка. – В нашей семейке даже похороны в цирк превращаются.

ГЛАВА 3

Стоит ли упоминать о том, что, изрядно переволновавшись, мы все позволили себе сначала шампанское, затем коньяк... Утром следующего дня Поля категорично заявила:

– Ни в какую больницу я не поеду!

– Но надо же узнать, что с тобой было, – попыталась я воззвать к ее благоразумию.

– Ерунда, – фыркнула Поля, – у меня ничего не болит!

– А что болело?

Девушка пожала плечами:

– Просто плохо стало, голова закружилась, руки-ноги онемели, хочу слово вымолвить и не могу, язык не шевелится...

– Обязательно следует обратиться к хорошему врачу, – настаивала я.

– Ладно, – отмахнулась Поля, – потом как-нибудь, сейчас некогда. Будь другом, свези меня домой, переоденусь и в институт побегу.

– Только, пожалуйста, не садись за руль, – взмолилась я, – пообещай, что будешь пользоваться метро.

– Хорошо, хорошо, – буркнула Полина.

Сначала мы доехали до ее квартиры. Поля открыла дверь и пошла переодеваться. Я села на кухне, тупо глядя в окно. В голове царил туман, то ли от выпитого накануне шампанского, то ли от переживаний.

– Дашутка, – всунула голову в кухню Поля, – ты что собиралась сегодня делать?

– Ничего, хочешь, поработаю у тебя шофером?

– С тобой ездить одна морока, – сообщила девушка, – тащишься еле-еле, сорок километров в час. Сделай лучше доброе дело.

– Какое?

– Да вчера, когда я собиралась в больницу, мобильник забыла в тумбочке, можешь забрать?

– Естественно, возьму и привезу тебе в институт.

– Ну спасибо, – обрадовалась Поля, – просто выручишь меня, я без трубы как без рук. Ну давай, поезжай быстрее.

И она принялась подталкивать меня к выходу.

У входа в больницу никто не сидел: ни охранник, ни бабулька с газетой. В двери мог беспрепятственно пройти кто угодно, бахилы здесь тоже не требовалось надевать, а гардероба попросту не было. Впрочем, медицинский персонал не обращал никакого внимания на посетителей.

Когда я, в уличной обуви и куртке, пошла по коридору по направлению к 305-й палате, никто даже не подумал сделать мне замечание. Сестра, сидевшая на посту, самозабвенно читала любовный роман и не подняла головы, попадавшие по дороге врачи словно не видели женщину, которая топала по линолеуму в сапогах, а не в тапках... Одним словом, никакого порядка в отделении не было. Неудивительно, что с Полиной произошла эта жуткая история.

Нужная палата была самой последней по коридору, я осторожно поскребла в дверь, не услышала ничего в ответ, приоткрыла створку и увидела на кровати девушку.

– Простите, – забормотала я, – мы вчера выпили-сались и забыли в тумбочке мобильник, можно я посмотрю?

Больная не отвечала. Думая, что она не услышала, я «прибавила звук»:

– Девушка, тут где-то валяется наш сотовый, может быть...

Никакой реакции не последовало. Девушка не шелохнулась. Спит. Небось ей вкололи снотворное.

Я осторожно юркнула в палату, присела на корточки, открыла дверцу, вытащила «Сименс», потом, опершись на кровать, начала вставать и невольно вздрогнула. Моя рука наткнулась на нечто непонятное, совершенно ледяное. Переведя взор на матрас, я увидела, что нечаянно прикоснулась к голой ноге девушки, лежащей на койке. Потом, начиная понимать происходящее, глянула на лицо больной. Глаза ее были закрыты, но не до конца, между верхним и нижним веком виднелась небольшая полоска, а кожа на лице приобрела страшный желтовато-сероватый оттенок, совершенно не свойственный живому организму.

– Помогите! – завопила я. – Сюда скорей! Доктор!

Где-то через час я спустилась в холл и плюхнулась в одно из ободранных кресел. Слишком много бурных переживаний за два дня. Сначала дикая история с Полиной, потом труп, обнаруженный в палате. Хороши, однако, врачи. Бедняжка уже окоченела, небось скончалась рано утром, а в палату никто даже не заглянул. Вот несчастная, даже не знаю ее имени.

Повинуясь непонятному порыву, я подошла к справочному окошку и спросила:

– Будьте любезны, кто лежит в 305-й палате?

– Мы смотрим по фамилиям, – отгрызнулась тетка, не поднимая головы от книги.

Я положила перед ней десять долларов. Не изменив недовольного выражения лица, женщина полистала толстую книгу и сообщила:

– Полина Железнова, температура 37, 2.

Ну и порядки в этой больнице!

– Железнова вчера выписалась! Сейчас кто там лежит? Ну кого после Железновой отправили в триста пятую?

Дежурная обозлилась:

– Иди сама на этаж и спрашивай у врачей. У меня черным по белому стоит: Полина Железнова. Кого куда перевели, кто выписался, должны из отделения сообщать, спустят сведения, будет информация, а сейчас в 305-й числится Железнова, и все!

Выпалив последнюю фразу, она резко захлопнула окно. Я побрела к машине. На пути к Полиному институту моя голова была занята чем угодно, кроме дороги, поэтому я ухитрилась целых три раза попасть в лапы к сотрудникам ГИБДД. Как правило, люди в форме, стоящие на обочине с полосатым жезлом в руках, редко тормозят мой автомобиль. Я езжу тихо, аккуратно, даже осторожно. В левый ряд суюсь только в том случае, когда нужно повернуть. Впрочем, иногда, по вечерам, меня останавливают без всякой на то причины и начинают придирается.

– Где аптечка?

– Покажите знак аварийной остановки...

– Почему огнетушитель не лежит в багажнике?

Я всегда беспрекословно отдаю в таких случаях пятьдесят рублей, потому что понимаю: парням охота заработать, а моя новенькая, сверкающая иномарка без слов говорит о том, что у ее владелицы нет особых материальных затруднений.

Поля радостно выхватила у меня телефон:

– Ну спасибо!

– Хочешь, подожду конца занятий и отвезу тебя назад, в Ложкино?

– Не надо, а зачем мне к вам? К себе вернусь. Да ты не волнуйся, все в полном порядке.

Она, радостно улыбаясь, убежала в аудиторию, но неприятное чувство тревоги не покидало меня потом весь остаток дня.

Поглядев на часы, я сначала съездила в книжный магазин «Молодая гвардия», расположенный на Большой Полянке. Всем, кто пополняет свои домашние библиотеки, рекомендую отправляться только туда. Выбор огромный, продавцы внимательны, словно нянечка, опекающая грудного младенца, все книги находятся в открытом доступе, их можно листать, разглядывать картинки, а цены намного ниже лотковых. К тому же детективы представлены тут во всем многообразии, от Агаты Кристи до современных авторов.

Больше всего на свете я люблю литературу на криминальную тему, поэтому провела у полка целых два часа, а потом еле дотащила до «Форда» туго набитые пакеты. Кроме томов с окровавленными кинжалами на обложках, я прихватила еще «Инфекционные болезни собак» для Мани и «Как правильно накладывать макияж» для Зайки.

Больше делать мне было решительно нечего, и я поехала в Ложкино.

На улице стемнело, я загнала автомобиль в гараж, в три прыжка преодолела расстояние до входной двери, влетела в холл и заорала от ужаса.

Прямо посередине двадцатиметровой прихожей стоял шикарный гроб из темного дерева. По бокам к нему были прикручены ярко начищенные бронзовые ручки, полированный низ блестел, верх тоже сиял, но половина крышки была сдвинута, и виднелась белая шелковая подушка с кружевами. На ней покоилась иссиня-черная голова негра. Чувствуя, что сознание сейчас покинет меня, я завопила:

– Ира!!!

Домработница выскочила из кухни и заорала в ответ:

– Что случилось?

Не в силах говорить, я тыкала пальцем в роскошное сооружение.

– Ах это, – сбавила тон Ира, – фу, Дарья Ивановна, как вы меня напугали, думала, на вас напал кто, виданное ли дело такие гудки подавать, теперь точно спать не смогу. Гроб прислали из конторы, говорят, вы за него заплатили!

– Там лежит негр, – прошептала я.

Ирка подошла к домовине:

– Не, никого не было, пустой вволокли. Да это же Банди! А ну вылезай, негодник...

Раздался шорох, и на пол выпрыгнул наш питбуль.

В доме живет пять собак, и самая сердитая из них полукилограммовая йоркширская терьериха Жюли. Вот она может злобно лаять на незнакомого человека, остальным это просто не придет в голову. Пуделиха Черри почти ослепла от старости и совсем оглохла, поэтому, когда раздается пиканье домофона, она не шевелится. Впрочем, если по дому расхаживают толпы гостей, она тоже не нервничает, просто находит уголок поукромней и забивается в него. По-моему, Черри попросту боится, что кто-то наступит ей на артритные лапы. У пуделихи целый букет болезней, пришедший к ней вместе со старостью. Мы регулярно лечим ее уши от отита, нос от насморка, глаза от конъюнктивита, ноги от подагры, живот от поноса... Впрочем, в последнем она виновата сама, потому что обожает поесть, в особенности сыр, строго-настрого запрещенный ей ветеринарами из-за пошаливающей печени. Для меня остается загадкой, каким образом Черри раньше всех собак слышит, когда Катерина вытаскивает из буфета миски, чтобы наполнить их ароматной кашей с мясом. И почему она, торопясь первой окатиться при раздаче, никогда не натывается ни на людей, ни на мебель, летя по коридорам к месту кормежки? Ведь она слепая и глухая!

Мопс Хуч, тоже большой любитель подкрепиться, проводит время, как правило, в горе пледов или подушек. На улицу он предпочитает высываться только тогда, когда погода стоит, как в Австралии: плюс двадцать пять, без дождя и ветра. Аркадий выпихивает его на прогулку зимой, весной и осенью пинками. И Хуча тоже не волнуют гости. Впрочем, ни у пуделя, ни у мопса не должно быть злобности по определению. С таким же успехом можно было бы ожидать кровожадности от канарейки.

Мы полагали, что роль охранников будут выполнять ротвейлер Снап и питбуль Банди. Но не тут-то было. Две более чем семидесятикилограммовые туши встречают любого незнакомца, радостно вертя задом. Наверное, нам достались генетические уроды.

– Иди отсюда, – злилась Ирка, вытаскивая из гроба подушки, – всю думку обволосил, вдруг кто лечь захочет, думаешь, приятно?

Я почувствовала себя персонажем пьесы абсурда.

– И как это вам в голову про негра пришло, – тараторила Ира, стряхивая с белого шелка короткие жесткие черные волосы.

– Очень похоже было.

Домработница замерла:

– Вы когда-нибудь видели чернокожего с висячими ушами?

Ничего не ответив на дурацкое замечание, я вошла в столовую, схватила телефон и набрала номер похоронной конторы.

– «Розовый приют», – прощебетал девичий голос. – Спасибо, что обратились к нам, решим все ваши проблемы.

Более идиотское название, чем «Розовый приют», для службы, которая занимается погребением покойников, придумать трудно, но у некоторых людей начисто отсутствует чувство юмора.

– Добрый вечер, – вежливо сказала я, – моя фамилия Васильева, я заказывала у вас гроб...

– Минуточку, минуточку, ага, артикул 18б. А что, его разве не привезли?

– Привезли.

– В чем тогда проблема?

– Теперь заберите назад!

– Не понимаю, – пробормотала служащая, – у вас претензии к внешнему виду? Изделие поцарапано?

– Нет. Просто оно более не нужно.

– Не нужно?!

– Да, мы отменили похороны.

– Отменили похороны?!

– Именно, – разозлилась я, – ну что тут особенного? Покойница ожила, ушла сегодня в институт, нам гроб без надобности, хочу его вернуть.

– Покойница ожила? – бормотала девушка. – Вернуть гроб?

– Послушайте, в конторе есть кто-нибудь более понятливый?

– Да, да, минуточку.

Послышалась заунывная мелодия, потом бодрый мужской голос:

– Старший менеджер Сергей Борисов, весь внимание.

Начался новый раунд переговоров. Сначала парень отреагировал так же, как девушка, поднявшая трубку первой.

– У вас претензии к внешнему виду?

– Нет, просто покойница воскресла, и гроб стал не нужен.

Повисло молчание, потом менеджер бойко сказал:

– Ага, прекрасно вас понял. Ваш покойник ожил, да?

– Именно, – обрадовалась я.

– И вы хотите вернуть гробик?

– Точно!

– Это невозможно, – каменным голосом ответил Сергей.

– Но почему?

– Гробы возврату не подлежат.

– Но если он не понадобился?

– Оставьте у себя.

– Вы с ума сошли!

– Сами-то у психиатра давно были? – не выдержал Борисов. – Товар оплачен, деньги не вернем.

– Не надо, – заверила я, – оставьте их себе, только гроб увезите, умоляю.

– Вы не станете настаивать на возвращении суммы?

– Ни боже мой, никогда.

Голос менеджера вновь стал сладким:

– Хорошо, завтра пришлем катафалк.

Потом он помолчал и спросил:

– А у вас, что, правда человек ожил?

– Да.

– Ну ни фиги себе, – взвизгнул менеджер, – вот пенка, побегу нашим расскажу!

Я швырнула трубку на диван, вечер потек своим чередом. Сначала приехала из колледжа

Маня и завизжала:

– Ой, гроб!

Потом явилась Зайка и возмущенно заявила:

– Отвратительно, пусть Иван унесет его в сто-рожку!

Вызванный садовник почесал в затылке.

– Одному не справиться, и потом, он в сарайчик не влезет, громоздкий больно.

Затем появился Кешка и воскликнул:

– Чудненько, давайте оттащим к матери в спальню, она будет совершенно как граф Дракула!

В полном негодовании я фыркнула, пошла наверх, приняла ванну, пощелкала пультом телевизора, потом нырнула под пуховое одеяло и посмотрела на натюрморт на тумбочке.

У каждого человека есть мелкие слабости, о которых он предпочитает не рассказывать другим. Я твердо знаю, что Зайка временами заруливает во французскую кондитерскую «Делифранс» и лакомится там тортом со взбитыми сливками. Более того, один раз я приехала туда же, чтобы купить пирожных, и увидела Ольгу, сидевшую у окна. На столике перед ней высился стакан с «Кофе-коктейль», рядом на тарелке лежали сразу три ломтя безумно калорийного торта. Зайка отковыривала ложечкой кусочки, аккуратно отправляла их в рот, и при этом у нее было такое лицо, что я не рискнула войти в зал. Ольга постоянно сидит на диете, методично высчитывая количество белков, жиров и углеводов в каждом блюде, наверное, иногда это занятие становится ей поперек горла, и она устраивает себе небольшой праздник, втайне от всех.

Я ни разу не сказала, что знаю о ее секрете. Между прочим, сама обожаю есть в кровати, вечером, перед сном. Иногда меня начинают мучить угрызения совести, но я быстро давя их каблуком. Потолстеть я не боюсь, всю жизнь, начиная с двадцатилетнего возраста, вешу ровно сорок восемь килограммов, поэтому ныряю под одеяло, хватаю детектив и принимаюсь за еду. Дети знают о моем пристрастии и иногда ворчат. Впрочем, Аркадий быстро добавляет:

– Ладно, в конце концов, это ее дело, нравится спать в крошках, кто бы спорил, но курить лежа не смей!

Сегодня на тумбочке стояла тарелочка с салатом, лежали два куска карбоната и кусок хлеба. Чуть поодаль расположились банан, несколько конфет «Коркунов» и мороженое «Марс». Я облизнулась, поискала глазами книжку и тут только сообразила, что пакет с детективами остался в багажнике. Пришлось, проклиная все на свете, влезать в джинсы, свитер и бежать за чтивом.

Мимо гроба я пронеслась с опаской. На подушке опять чернела голова. Банди, не испытывающий никаких отрицательных эмоций при виде последнего приюта человека, нежился на шелковой думке. Наверное, следовало прогнать его, но какой прок совершать бессмысленное действие? Бандюша упорный, он опять залезет внутрь.

Притащив покупки к себе, я юркнула под одеяло, глянула на тумбочку и обомлела. Салат исчез, карбонат и банан тоже, от конфет остались только обертки, а мороженое испарилось вместе с бумажкой. Ни одной собаки не было в спальне. Только кошки Фифина и Клеопатра

мирно спали в кресле. Но киски ни за что не станут харчить такие продукты. Кипя от негодования, я вышла в коридор и шепотом позвала:

– Эй, Снап, Жюли, Черри, Хуч, сюда.

Банди был вне подозрений, он спит в гробу. Через секунду появился ротвейлер, за ним приковылял мопс. Все понятно. Жюли слопала конфеты, она умеет ловко носом разворачивать фантики, а остальное сожрала старуха Черри.

– Ну погодите, – пригрозила я.

– Мать, – высунулся из спальни Кеша, – чего буянишь?

– Жюли и Черри слопали мой ужин!

– А, – зевнул он, – абсолютно правильно поступили. Может, если подобная ситуация будет повторяться, ты отвыкнешь от вредных привычек.

Он исчез за дверью. Я пошла по лестнице в кухню. Да уж, ждать от моего сына радостного выкрика: «Иди, мамочка, ложись, я принесу тебе бутербродики!» – не приходится. В нашем доме я являюсь объектом воспитания.

ГЛАВА 4

На следующий день около часа дня я собралась съездить в супермаркет. Конечно, можно отправить туда Иру, для таких случаев мы и купили ей «Жигули», но надо же хоть что-то делать самой!

Я уже нацепила куртку, когда раздался телефонный звонок.

– Дарья Ивановна?

– Слушаю.

– Вы можете сейчас приехать в институт, где учится Железнова?

– Да, но...

– Вы знаете Полину? – перебила женщина.

– Конечно, очень хорошо.

– Тогда поторопитесь, у нее большие неприятности.

Я вскочила в «Форд» и понеслась в Коломенский переулок. Во дворе стояли «Скорая помощь» и милицейская машина. Ощущая тревогу, я кинулась ко входу и обнаружила в холле толпу гудящих студентов.

– Ребята, где Железнова?

– У, как у нее машина полыхнула, – хором ответили девчонки, – во, жуть...

– Где? – помертвевшими губами спросила я. – Где автомобиль?

– Так на стоянке...

Я выбежала наружу, обогнула здание и сразу увидела обгорелый остов «Жигулей», вокруг которого бродило несколько мужиков. Чуть поодаль стояли носилки, накрытые черным мешком.

– Полина! – заорала я.

Один из милиционеров обернулся, и я узнала Женьку. Он работает вместе с Дегтяревым. Наш лучший друг Александр Михайлович служит в милиции, а Женька эксперт или судмедэксперт... Одним словом, не знаю точно. Он не бегает по улицам, не сидит в засадах, а изучает всякие предметы... В общем, я абсолютно не в курсе того, чем он занимается, знаю только, что Дегтярев иногда говорит: «Светлей головы, чем у Евгения, не встречал».

– Прикатила, – буркнул Женька, роясь в чемоданчике, стоявшем на земле.

Потом он повернулся к парню, ходившему вокруг обгорелого остова машины, и крикнул:

– Так, не суй все в один пакет, ирод, разложи по-человечески!

Затем посмотрел в мою сторону и со вздохом добавил:

– Ну, народ, молодой, а уже ленивый, лишний мешочек взять трудно, нагребает все одним скопом, а я потом разбирайся.

– Где Поля? – прошептала я.

– Иди на второй этаж, в деканат, – сухо велел Женька.

– Но...

– Иди, там Дегтярев!

Я сделала шаг назад и наткнулась на парней в темно-синих куртках.

– Что стоите, как памятники, – обозлился Женька, – тащите жмурку в труповозку.

Ребята молча подхватили носилки.

– Иди в деканат, – повторил приятель.

Я поплелась в институт. Первой, кого я увидела в большой комнате, уставленной письменными столами, была Поля, полулежащая на кожаном диване. Вокруг нее толпилось несколько человек, в воздухе резко пахло лекарствами.

– Полина! – взвизгнула я и кинулась к девушке.

Та мигом разрыдалась. Женщина, стоящая возле нее, засуетилась и принялась капать в рюмку валокордин.

– Дашка, – всхлипывала девушка, – вот ужас, вот жуть...

– Полечка... – обнимала я ее. – Жива, слава богу...

Но тут неожиданно в голове что-то щелкнуло, и я спросила:

– Минуточку, а кто же тогда там, на носилках?

– Ленка, – еще пуще зарыдала Поля. – Ой, Лена...

– Ничего не понимаю...

– Иди сюда, – раздалось за моей спиной.

Я вздрогнула, повернула голову и увидела Дегтярева, усердно писавшего что-то за столом.

– Забери Полину, – велел приятель, – отвези домой в Ложкино и не спускай с нее глаз.

– Да что случилось?

– Немедленно уезжайте, – сердито продолжал Александр Михайлович, – в коттедж, никуда ее не выпускай, ну, действуй.

В машине Поля успокоилась, вытатила косметичку и стала красить лицо. Видя, что она вновь обрела способность соображать, я сказала:

– Давай заедем в подземный магазин на Манежной.

– Зачем? – пробормотала Полина, размазывая по щекам тональный крем.

– У нас кончилась пена для ванны, потом там можно зайти в ресторанчик выпить кофе...

Честно говоря, пена для ванны не самая необходимая вещь, а наша Катерина печет намного вкуснее пирожки, чем те, которые подают в системе общепита. Но в огромном универмаге всегда полно народа, там весело играет музыка, вокруг мелькают разнообразные красивые вещи. Мне просто хотелось отвлечь Полю, поднять ей настроение.

Поставив автомобиль на стоянку, мы спустились вниз и выбрали в «Сбарро» салат и пиццу.

– Кофе у них мерзкий, – сообщила повеселевшая Поля, – пойду возьму у «Арнольда».

– Лучше давай сначала съедим все, а потом поднимемся в «Эстерхази», – предложила я.

Через час, сидя в кондитерской, я осмелела и осторожно спросила:

– Что произошло?

Полина нахмурилась:

– Дикая жуть. Такое даже и представить нельзя.

Она помешала ложечкой кофе и сказала:

– Слушай.

После первой пары к ней подбежала Лена Рокотова из параллельной группы и взмолилась:

– Полька, будь человеком, дай «Жигули», домой съездить!

Железнова не любит, когда ее машиной пользуются посторонние, и дает ключи от автомобиля только в крайнем случае.

– Зачем тебе? – недовольно спросила она.

Ленка чуть не зарыдала.

– Забыла домашнее задание, прикинь, что со мной Мавра сделает.

Мавра, или Марина Владимировна Маврина, преподает в их институте технический перевод. Абсолютно непреклонная, неумолимая дама, не дававшая никому ни малейшей поблажки. Можно было сколько угодно ныть:

– Ну, Марина Владимировна, ей-богу сделала, на следующее занятие принесу, ну, пожалуйста...

Противная баба только ухмылялась и отвечала:

– Я понимаю, что технический перевод понадобится в жизни отнюдь не всем, поэтому совершенно не настаиваю на выполнении заданий, но, как педагог, не могу простить пренебрежительного отношения к науке. Поэтому минус один.

Студент, попавший в такую ситуацию впервые, как правило, интересуется:

– Минус что?

– Минус один балл на экзамене, – спокойно поясняет злыдня Мавра, – если заслужишь, отвечая, три, поставлю два, если четыре – три... Понятно? Ежели не выполнишь следующее задание, будет минус два, как наберешь минус четыре, на экзамен можешь не приходить.

Глупые первокурсники хихикали, им всем вначале казалось, что Марина Владимировна шутит. Но в первую же сессию выяснялось: Мавра говорила серьезно.

Теперь понимаете, почему забытая тетрадь превращается в катастрофу?

– Ну, пожалуйста, Полечка, – умоляла Ленка, – мне тут рядышком, за пять минут обернусь, а пешком долго бежать...

– Чего на своей не поедешь? – не сдавалась Полина.

– Так она сломалась! Я сегодня безлошадная...

– Ладно, – вздохнула Поля, – но, если поцарапаешь или помнешь крыло, убью.

– Гореть мне синим пламенем! – воскликнула Ленка, выхватила ключи и унеслась.

Бедная Рокотова не предполагала, что буквально через пару минут и впрямь вспыхнет, как факел.

– Был взрыв? – спросила я.

Поля покачала головой:

– Я ничего не слышала, мне сказали, когда уже пожарные прибыли.

– Когда это произошло?

– Между первой и второй парами.

– Я же тебя просила ездить на метро!

– Ну да, – дернула плечом девушка, – стану я толкаться в вонючем вагоне, нашла дуру!

– Ты приехала в институт утром?

– Конечно, к девяти.

– Все было в порядке?

– В полном, и вообще, «Жигули» только-только из сервиса, а недавно техобслуживание прошла, машина практически новая. Ой, бедная Ленка, – захлопала носом Поля.

– Послушай, – быстро сказала я, – видишь магазинчик, вон там слева?

– Ну? – перестала плакать Поля.

– Глянь, какой в витрине пуловер, прямо для тебя, пошли, померяешь.

– Дорогой небось!

– Плевать, надо же себя баловать иногда...

Поля кивнула, и мы двинулись в бутик. Девушке понравилось сразу несколько кофт, она набрала вешалок с цветными тряпками и кинулась в примерочную.

Я стала бродить по торговому залу. Честно говоря, магазинчик выглядел бедно и плохо, впрочем, и цены тут оказались ниже некуда, дешевле только на вьетнамском рынке, наверное, потому здесь толкалось невероятное количество народа, в основном тинейджеры и студенты, хватавшие свитерочки, пуловерчики и брюки. Публика вела себя бесцеремонно, люди носились, громко разговаривали и выражали негодование по поводу долго не освобождающихся примерочных. В особенности злилась одна девчонка, стоявшая перед кабинкой, в которой переодевалась Поля.

– Нельзя ли побыстрей? – верещала девица. – Заснула она там, что ли? Эй, пошевеливайся, не одна в магазине.

Полина не отвечала, и правильно делала, с хамами лучше не связываться.

– Ну сколько можно? – подпрыгивала девчонка. – Ей-богу, пора и закругляться.

С этими словами она всунула голову за занавеску. Я хотела подойти и сделать нахалке замечание, но тут от примерочной понесся дикий крик:

– А-а-а-а...

Я рванула на звук и, опередив всех, схватила противную девчонку за локоть.

– Чего орешь?

Девушка застыла с выпученными глазами и начала тыкать пальцем в сторону кабинки.

– Там, там, там...

Подлетевшая продавщица отдернула темно-синюю бархатную шторку и завопила в свою очередь:

– А-а-а!..

– А-а-а!.. – подхватили посетители, оказавшиеся в непосредственной близости от кабинок.

Я глянула внутрь кабинки и похолодела. На полу, скорчившись, лежала Полина, из-под ее тела разливалась темно-красная лужа.

– Милиция! – надрывалась продавщица. – Сюда, скорей, на помощь, человека убили...

Я стала медленно сползать по стене.

– Что случилось? – раздался знакомый голос.

Я вскинула голову и увидела, как из соседней кабинки выбирается Поля.

– Ты? – вскрикнула я. – Но почему в этой примерочной, ведь ты заходила сюда!

По дороге в Ложкино испугавшаяся донельзя Полина рассказала, что случилось. Между кабинками нет стенки, только занавеска. Не успела Поля натянуть понравившуюся кофточку, как из-за драпировки высунулась женщина и попросила:

– Будьте так любезны, поменяйтесь со мной примерочной.

– Зачем? – удивилась Полина.

– Понимаете, у вас тут стоит трельяж, а в моей висит только одно зеркало, – пустилась в объяснения покупательница. – Я же хочу посмотреть на новые брюки со всех сторон, а здесь это невозможно. Сделайте милость, у вас ведь кофточка...

– Пожалуйста, – пожал плечами Полина и, взяв в охапку вещи, прошла в соседнее помещение.

Девушки не выходили наружу, в торговый зал, они передвигались внутри примерочных. Когда раздался крик, Полина стояла голая по пояс. Удивленная, она натянула на себя свитерок и, выглянув в магазин, увидела меня в полубессознательном состоянии.

– Да я чуть не скончалась от ужаса, – воскликнула я, – думала, это ты лежишь в луже крови!

– Ну ничего себе, – возмутилась Поля, – да та девушка в три раза меня толще, к тому же она брюнетка, а я русая...

– Я настолько была уверена, что ты именно в той кабинке, – вздыхала я, – потому ничего не заметила, ни цвета волос, ни фигуры...

Некоторое время мы ехали молча, и только, когда показались ворота, Поля пробормотала:

– Это что же такое творится? За несколько дней столько жутких событий! Сначала по непонятной причине я впадаю в состояние, которое в больнице посчитали за смерть, затем Ленка погибает в моей машине...

– «Жигули» загорелись...

– С чего бы? Все было в полной исправности! А теперь еще этот случай в магазине! Слышала, что сказали милиционеры? Стреляли из пистолета с глушителем прямо через занавеску... Понимаешь, что происходит?

Я нажала на брелок, створки разъехались.

– Нет, честно говоря, не знаю, почему тебя преследуют несчастья.

Полина выбросила в окно окурок.

– Просто кто-то задумал меня убить, но, по невероятному стечению обстоятельств, сначала погибла бедная Ленка, а потом эта тетка, покупавшая брюки. Прикинь, что вышло бы, если бы за руль после занятий села я... Или останься я в той, первой кабинке...

– Но почему тебя хотят уничтожить? – оторопела я. – Ты кому-то сделала плохо?

Полина пожала плечами:

– Сама удивляюсь. Бизнесом я не занимаюсь, врагов не имею... С Костей мы со школы дружим, никаких ревнивых бывших любовников у нас нет... Как сели в девятом классе за одну парту, так и не расстаемся с тех пор, сама знаешь... Ума не приложу!

– Наверное, ты ошибаешься, – протянула я, – это просто стечение обстоятельств, в машине что-то замкнуло, а в примерочной... Ну не знаю... Случай вышел... Ты тут ни при чем...

С этими словами я крутанула руль, въехала на наш участок и обомлела. Вся площадка перед входом была забита машинами. Парадная дверь стоит нараспашку, и туда-сюда снуют люди с какими-то железками и ящиками в руках.

Я высунулась из окна и попросила водителя «рафика», закрывавшего подъезд к гаражу:

– Будьте добры, подайте чуть вперед.

– Еще чего, – ответил тот, – вечно вам, бабам, удобное место уступи. Нет уж, села за руль, сама и крутись. На дороге нет деления на сильный и слабый пол, все равны.

Недоумевая, я бросила «Форд» возле сарая и пошла в дом. Гроб все еще стоял в холле, вокруг высились прожекторы, какие-то треноги, ящики, змеились провода и бегали совершенно незнакомые люди, у которых на головах, несмотря на декабрь, красовались бейсболки.

– Что вы тут делаете? – попыталась я узнать у одного из парней.

– Отвали, – ответил тот.

– Да что происходит? – кинулась я к тетке в кожаных штанах.

– Отстань! – рявкнула та и скрылась в гостиной.

– Дашутка! – раздался радостный крик, и я увидела раскрасневшуюся Зайку, несущуюся со второго этажа. – Ты уже приехала! А мы как раз аппаратуру тащим.

– Какую? – начала заикаться я.

– Ой, – всплеснула руками Ольга, – тебе-то я и не рассказала! У нас в доме будет сниматься сериал.

Я навалилась на гроб и тупо повторила:

– Сниматься сериал? У нас? За что?

– Ты недовольна? – приняла боевую стойку Зайка. – Все, Кеша, Маня, Ирка, даже Катерина в восторге, а ты недовольна?

– Я счастлива, только хочу узнать, почему эта радость приключилась именно с нами?

Зайка с подозрением посмотрела на меня и принялась объяснять.

ГЛАВА 5

У каждого человека бывает мечта, есть она и у Зайки. Моя невестка обожает красоваться на голубом экране. Вообще у нее за плечами хорошее образование, а в кармане диплом прекрасного вуза. Наша Заюшка переводчик, владеет двумя европейскими языками свободно плюс арабским, на котором она практически не может читать и писать, зато болтает вполне бойко. Но работать толмачом Ольге неохота. Ей всегда хотелось вселенской славы, аплодисментов и всеобщего поклонения. Переводчик же по роду своей деятельности всегда находится в тени. Если он синхронист, то стоит за спинами, если работает с книгами, то просиживает день-деньской в кабинете, словом, медные трубы трубят не ему.

Зайка мечтала попасть на телевидение и в конце концов оказалась там. Господь сжалился и дал ей шанс. Надо отметить, что Ольга использовала предоставившуюся возможность на все сто. Она попала в спортивную программу и, не отличая в самом начале карьеры волейбол от футбола, ухитрилась за год взлететь по карьерной лестнице от скромной ассистентки режиссера до «лица передачи». А все благодаря собственному невероятному трудолюбию и упорству. Праздники, выходные, семейные мероприятия... Для Зайки ничего этого не существует. В любой день, в любом состоянии здоровья она едет на работу. Ровно в 18.30 я вижу ее на экране. Улыбающаяся, с великолепной прической, моя невестка говорит:

– Здравствуйте, вас приветствует «Мир спорта» и я, Ольга Воронцова.

Глядя на это светловолосое существо с глазами молодого олененка и бархатной кожей, ни за что не подумаешь, что у него какие-то проблемы со здоровьем. И только я знаю, что два часа тому назад Заюшка слопала две пригоршни таблеток, потому что у нее опять обострилась язва, полученная в процессе восхождения к вершинам славы. Телевидение – это не только голубой экран, на котором возникает очаровательное личико ведущей, нет, это еще постоянная нервотрепка, бесконечная усталость, хронический недосып, невозможность вовремя поесть и отдохнуть...

Но Зайка счастлива всегда, даже тогда, когда ведет передачу, болея гриппом с температурой сорок. Казалось, она своего добилась, теперь ей нечего более желать, но у Ольги есть еще одна мечта, такая тайная, что невестка не рискует ее даже высказать вслух. Заиньке страстно, до дрожи хочется стать актрисой, сняться в кино... И вот теперь судьба вновь подкидывает ей шанс...

Студия «Век» собралась снимать малобюджетный сериал из семейной жизни. Малобюджетный – это такой фильм, на который дали мизерную сумму денег, и съемочная группа экономит на всем. Берет свои автомобили, интерьеры снимает у знакомых на дачах и в квартирах... Вот Зайка и предложила наш дом в качестве съемочной площадки. Абсолютно бесплатно, с одним условием.

Ей, Ольге, дают небольшую роль. Режиссер мгновенно согласился. Зайка хороша, как картинка, очень киногоенична и, в отличие от многих современных деятелей экрана, обладает ясной, четкой дикцией. Одним словом, они ударили по рукам.

– Главное, начать, – подпрыгивала Зайка, – а там меня заметят, и понесется...

Я только моргала, раскрыв рот. Сериал! У нас в доме! Катастрофа!

– Просто чудо! – ликовала Ольга. – Здорово вышло, все в экстазе. Кстати, это фильм о семье, о радостях, так сказать, брака, и в массовке обещали занять всех наших: Маню, Аркашку, Ирку, Катерину, собак, и тебя тоже снимут...

Я хотела было вслух ужаснуться, но посмотрела на совершенно счастливое лицо Зайки и промолчала. Хорошо только, что близнецы вместе с Серафимой Ивановной еще две недели тому назад уехали в Киев, к матери Ольги. Надеюсь, до их возвращения все завершится.

– А как долго продлятся съемки? – робко поинтересовалась я.

– Ну, не знаю, может, месяц!

Я содрогнулась. Ужасно! Это еще хуже, чем ремонт, надо постараться пореже бывать дома.

– Что это такое? – раздался громовой голос.

Воцарилась тишина. В холл вошел невысокий плюгавенький мужичонка в длинном шарфе, клетчатой рубашке и джинсах.

– Что это такое? – повторил он, тыча пальцем в домовину.

– Гроб, – ответила я.

– Так, чудесно, – заговорил дядька, – уже добыли, затаскивайте в комнату, порепетируем сцену прощания. Эй, ты, отойди от реквизита...

– Вы мне? – спросила я.

– Тебе, тебе, отойди немедленно и займись делом. Ты кто? Почему не знаю? Кто пустил постороннего? Выгоните ее!

– Я хозяйка этого дома! Дарья Васильева!

– Миль пардон, – расшаркался мужичонка, – страшно рад знакомству. Борис Коваленко, режиссер-постановщик. Ах, душенька, у вас роскошный дом, прелестный, чудесный, надеюсь, хозяин не слишком обозлится, когда узнает, что мы тут решили...

– Хозяин добрый, – сообщил Кеша, появляясь на лестнице, – всегда рад помочь жене.

Глаза Бориса заматались между мной, Ольгой и Аркашкой. Потом он не утерпел и ляпнул:

– Вы, значит, муж Дарьи? Очаровательно!

Кеша хмыкнул:

– Нет, я ее сын, муж Ольги.

Борис расплылся в улыбке так, что я испугалась. Если он еще минут пять постоит с таким лицом, у него заболят щеки или треснет рот в уголках губ.

– Дашенька! А ваш муж где?

– Который? – уточнил Аркадий.

– Их много? – хихикнул режиссер.

– Было четыре, – пояснил Кеша, – и все убежали, мать человек с причудами. Вот видите гроб? Она в нем спит.

– Хватит врать! – обозлилась я.

Но Борис мигом ответил:

– Такая прелестная женщина имеет право на странности. Готов стать вашим пятым супругом!

Я почувствовала себя, словно загнанная в угол мышь. Мало того что на целый месяц мы гарантированно лишимся сна и покоя, так еще этот идиот собрался приударить за богаткой. Желая сменить тему, я быстро сказала:

– Это не ваш реквизит, это наш гроб.

– Да ну? – удивился режиссер. – И зачем он вам? Или правда спите тут?

– Конечно, нет! Просто вышел дурацкий случай. За ним должны были сегодня приехать из похоронной конторы, но отчего-то не явились!

– Так это чудесно, – потер руки Борис, – нам как раз он и нужен. Начнем со сцены похорон Леонида. Тащите гроб в комнату, порепетируем.

– Не пойдет, – сказал парень в зеленой жилетке.

– Почему? – взвился Борис. – Тебе, Федька, цвет не по душе или качество?

– Не, нормальная штука, – ответил Федя, – но Ленка в него не войдет. У парня рост метр девяносто восемь, нужен размер кинг сайз.

– Глупости, влезет!

– Никогда!

– Поместится!

– Ни за что!

– Ой, зачем вы спорите, – влезла Маня, – пусть Кеша попробует, в нем без одного сантиметра два метра.

– А и правда, – пробормотал Борис, окидывая взглядом фигуру сына, – может, и впрямь залезете, а мы посмотрим.

– Куда? – оторопел Кеша.

– В гроб, нам примерить надо, – объяснил Федор.

– Ни за что, – отрезал сын.

Режиссер поджал губы, Зайка умоляюще глянула на муженька. Тот тяжело вздохнул и сказал:

– Ладно, только на минуточку!

Потом он подошел к полированному ящичку, влез внутрь и, сложив руки на груди, поинтересовался:

– Похоже?

Мне шутка не показалась смешной, но Маруська взвизгнула:

– Ой, только не двигайся, сейчас фотоаппарат принесу!

– Ну вот, – удовлетворенно протянул Борис, – чудненько уместился, а как эта штука закрывается?

– Очень просто, – ответил Федя и толкнул крышку.

Раздался сухой щелчок, и я увидела изображение креста.

– Здорово! – одобрил режиссер.

– Ну, – заныла прибежавшая с камерой Маня, – зачем захлопнули? Откройте.

– Сейчас, – сказал Федя и потянул крышку. – Странно, однако, – она не поднимается.

– Господи, всему-то учить надо, – вздохнул Боря, – ничегошеньки сами не умеете, ну-ка отойди!

Режиссер принялся дергать за ручку, но красивая, полированная крышка даже не дрогнула.

– Не открывается, – пробормотал мужик.

– Дайте я! – заорала Маруся и принялась рвать в разные стороны ручку.

Как бы не так, крышка не поддавалась.

Минут пять мы пытались ее отковырять, но совершенно безрезультатно.

– Ужас, – заломила руки Зайка, – что делать?

– Не знаю, – ответила я, – может, позвонить в похоронное бюро?

– Он задохнется, – нервничала Ольга.

Потом она прижалась к гробу и заорала:

– Кеша, ты как?

Ответа не последовало.

– Он потерял сознание, – заметалась Зайка. – Ну делайте что-нибудь!

– Знаю, – заорала Маня, – надо позвонить ему на мобильник!

Девочка схватила телефон и потыкала пальцем в кнопки. Через секунду из недр ящичка послышалась приглушенная музыка, потом Маня радостно воскликнула:

– Кешка, ты как?

– Дай, дай сюда! – взвизгнула Ольга и выхватила у нее «Сименс». – Кешик, дорогой...

Мембрана запищала. Зайка послушала, послушала, потом рявкнула:

– Идиот! – и швырнула трубку на стул.

– Что он сказал? – поинтересовалась я.

– Твой сын в своем репертуаре, – прошипела Зайка, – он сообщил, цитирую дословно: «Мне хорошо, мягко, тепло, темно и уютно. Главное, совершенно не слышу вас, поэтому нако-

нец-то спокойно отдохну. Если повезете в крематорий, не забудьте меня вынуть, очень не люблю жару». Ну и кретин!

– Шутник, – хохотнул Федя.

– А ему хватит воздуха? – поинтересовалась Маня.

– На какое-то время да, – ответила Поля, – но надо срочно его доставать.

– Как? – затопала ногами Зайка. – Мы же не знаем, может, эта дурацкая крышка захлопывается один раз на всю жизнь.

– Скорей, на всю смерть, – сказала я.

– Замолчи, – застонала Ольга.

– Не дергайся, – велела Поля.

– Хорошо тебе говорить, – окрысилась Зайка, – между прочим, покупали эту штуку для тебя!

– Не надо ругаться, – я попыталась успокоить девиц, – сейчас позову Ивана с топором.

– Вы чего? – возмутился Борис. – Да эта дрянь пять тысяч баксов стоит... А вы топором!

– Мой муж дороже, – отчеканила Зайка.

– Топором нельзя, – вздохнула Поля, – можно Кешу задеть.

– Тогда пилой, – придумала я.

– Это только в цирке фокусник перепиливает ящик с женщиной внутри, – отмела и это предложение Полина.

– Делать-то что? – зарыдала Ольга.

Тут зазвонил телефон. Я схватила трубку.

– Не пойму никак, – раздался ехидный голос Аркадия, – когда вы меня решили хоронить? Музыку не забудьте заказать, желательно духовой оркестр. Кстати, имейте в виду, «Прощание славянки» терпеть не могу. Лучше...

Я нажала на зеленую кнопку.

– Делать что? – бубнила Ольга.

– Надо вызвать МЧС, – сообщила Маня.

– Давайте сначала в похоронное бюро позвоним, – предложила я.

– Да зачем? – рыдала Зайка.

– Может, подскажут, как открыть, – ответила я и набрала номер.

– «Розовый приют», – прочирикал знакомый голос, – мы решим все ваши проблемы, менеджер Таня, внимательно слушаю!

– Уважаемая Татьяна, меня зовут Дарья Васильева, я покупала у вас гроб, артикул, кажется, 186...

– Ой, – воскликнула девчонка, – помню! А это правда, что у вас покойник ожил?

– Да.

– Ну прикол! А нам зачем звоните?

– Танечка, мы захлопнули гроб, а открыть не можем.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Открывать зачем?

– Там человек.

– Какой?

– Мой сын, хотим его вынуть.

Секунду Танюша помолчала, потом осторожно спросила:

– Он живой?

– Конечно.

– Почему же в гроб залез?

– Померить хотели, годится ему такой или нужен большего размера.

Таня вновь лишилась дара речи, но потом справилась с собой:

– Ага, про запас купили, правильно?

– Танечка, – вздохнула я, – даю честное слово, что изложу все в деталях, только позже, а сейчас объясните, как открыть гроб.

– Он щелкал?

– Не понимаю...

– Ну, когда захлопывали, щелчок слышали?

– Да, такой тихий, трек!

– Значит, все.

– Как все? – обомлела я.

– Не надо было крышку до конца надвигать, ее только на кладбище толкают до упора, перед тем как опустить в могилу.

– Мы собирались кремировать, – невпопад сообщила я.

– Можно и в крематорий, – ответила Таня, – разницы никакой, горит отлично и вредных примесей не выделяет, потому как выполнен из экологически чистого сырья, мы заботимся об охране окружающей среды.

Понимая, что служащая сейчас начнет цитировать рекламный буклет, я прервала ее:

– Открыть его как?

– Никак.

– Но что за ерунда! – возмутилась я. – А если понадобится человека вынуть! Кто же такую глупость придумал!

– Так ведь не комод, – резонно парировала Таня, – покойника туда-сюда не таскают, положили – и готово, пожалуйста в могилу! Это только у вас ерунда все время приключается: то труп ожил, то снова в гробик полез, на примерку!

Я отключилась.

– Ну, – налетела на меня Зайка, – говори...

– Вроде никак, – осторожно сообщила я, – закрыли, простите за идиотский каламбур, насмерть!

Ольга зашлась слезами.

– Говорила же, спасателей надо! – завопила Маняша.

– Он не задохнется? – спросила Поля.

– Нет, – успокоил Федор, – крышка вон какая высокая...

Спасатели приехали моментально, такое ощущение, что они стояли у нас прямо за углом. Три парня в оранжевых куртках вошли в холл, один громко завел:

– Ну, что тут имеем...

Но потом его взгляд наткнулся на гроб. Парень увидел плачущую Зайку, взволнованную Маню, меня с перекошенным лицом и осекся.

– Простите, пожалуйста.

– Ничего, – сказала я, – сделайте милость, откройте гроб, мы случайно толкнули крышку, она захлопнулась, и сработал запор.

– А зачем... – начал было другой мужик.

Но мне жутко надоела вся ситуация, и я весьма грубо заявила:

– Ребята, либо делайте дело, либо уезжайте, разговаривать, ей-богу, больше не можем.

– Не волнуйтесь, – сказал первый, – ща выполним. Толян, неси резак.

– Осторожно, – завопила Зайка, – не попортите!

– Успокойтесь, – ответил Толя, – гробик останется как новый.

– Черт с ним, – взвилась я, – Кеше не сделайте плохо.

– Это кто? – спросил Толя.

– Муж мой, – зарыдала Ольга, – он внутри...

– Слышь, Колька, – сказал Толя, – может, лапкой отожмем? Ненароком заденем резакон. Девку-то жалъ.

– Попробуем, – вздохнул Коля.

На свет появились какие-то железки. Парни изловчились, и, о радость, темница распахнулась. Появилось бледное лицо Кеши с закрытыми глазами.

Толя перекрестился.

– Господи, чего только за рабочую смену не увидишь!

– Аркашка, – бросилась к мужу на грудь Ольга, – Аркашик, тебе плохо!

Сын открыл глаза, зевнул и сказал:

– Наоборот, просто замечательно. И не представляете, как здорово иногда оказаться в одиночестве...

– Мама, – взвизгнул Толя, – он ожил!

– ...! – выпалил Коля и попятился к двери, – ...!!!

Видя, что парни находятся на грани обморока, я быстро сказала:

– Он и не умирал!

– А гробик-то, гробик, – бестолково повторял Коля, пятясь к выходу.

– Гроб никому не отдам, – резюмировал Аркадий, – занесу к себе в комнату и буду в нем спать. Просто класс, абсолютно вас не слышно. Теперь понимаю Дракулу, а то все думал: ну чего он решил в таком странном месте ночи проводить... Знаю, знаю, тишины искал, небось тоже имел болтливую женушку, крикливую сестричку и ненормальную мамашу.

– Урод! – завопила Зайка и, резко развернувшись, понеслась по лестнице вверх.

ГЛАВА 6

На следующий день, около полудня, я с радостью констатировала, что в доме никого нет. Вообще никого, кроме меня и собак. Зайка и Аркадий укатили на службу, Маня в школу, Ирка унеслась в химчистку, Катерина на рынок, а гадкие киношники обещали явиться только к трем. Полины также не было, что совершенно неудивительно. Она небось с девяти часов сидит в аудитории и пытается прожевать гранит науки.

Радуюсь неожиданному счастью, я выпила кофе, прочитала газету и выкурила сигарету. Вообще говоря, дети категорически запрещают мне дымить в доме. Летом я отправляюсь в сад, а в холодное время года мне предписывается ютиться в крохотной каморке под лестницей, где Ирка складывает тряпки, ведра, пылесос и бытовую химию. Причем геноциду подвергаюсь только я. Гостям, вытаскивающим пачки сигарет, мигом с улыбкой подставляют пепельницы. Но как только я во время какого-нибудь сборища достаю свои любимые «Голуаз», как моментально появляется Аркадий или Зайка и шипят, словно разбуженные эфы:

– Немедленно потуши!

То есть они не имеют ничего против курения вообще, им просто не нравится, когда дымлю я. Такой вот пердюмонокль, как говаривала моя бабушка.

Но сегодня воспитателей нет, и я с наслаждением выпустила изо рта облачко. Вчера и Борис, и Федя вовсю смолили «Мальборо», и им Зайка, естественно, ничего не сказала. Так что мне опасаться нечего. В крайнем случае, если учуют запах, а у Ольги обоняние как у служебно-разыскной собаки, свалю все на режиссера и оператора.

Постояв у окна, я призадумалась. Чем бы заняться? Может, посмотреть от скуки телевизор?

Голубой экран вспыхнул, и появилось лицо некрасивого парня, бодро вещавшего:

– Сводка происшествий за неделю. В одиннадцать утра, в понедельник, на улице Мировской был обнаружен труп женщины с колото-резаными ранами в области живота и шеи. Личность погибшей...

Я тяжело вздохнула. Так, понятно, это идет «Мир криминала». Сейчас много подобных программ. ТВ-6 показывает «Дорожный патруль», НТВ – «Криминальную хронику», есть еще «Петровка, 38», «Дежурная часть»... При всей моей любви к детективам, терпеть не могу эти передачи. Читая книгу, понимаешь, что ничего такого на самом деле и в помине не было, а когда видишь на экране плачущих людей...

Я подошла к пульту и уже собралась нажать на кнопку, как картинка сменилась. Весь экран заняло изображение ярко-красного «Форда», вернее, того, что от него осталось. Когда-то роскошная машина превратилась в руины...

Корреспондент вещал за кадром:

– Сегодняшний день также начался с автомобильной катастрофы. Ровно в восемь утра машина...

Надо же, а «Фордик»-то точь-в-точь, как мой, даже наклейка на заднем стекле. Я прилепила там изображение чайника, выпускающего пар, и плакат «Еду, как могу». Надо, чтобы окружающие сразу понимали, с кем имеют дело, и не злились. Ну какой смысл раздражаться на даму, которая честно признается, что вождение не ее хобби?

– Машина, за рулем которой сидела двадцатитрехлетняя Полина Железнова, влетела в фонарный столб, – неслось из динамика, – очевидно, девушка не справилась с управлением на заснеженной трассе. От удара автомобиль просто развалился на части. Водитель получила травмы несовместимые с жизнью и скончалась до приезда «Скорой помощи».

В ту же секунду оператор крупным планом показал залитое кровью, искаженное гримасой лицо Поли.

– Еще раз хочу напомнить всем о необходимости соблюдения правил и скоростного режима, – забубнил молодой парень в форме сотрудника ГИБДД.

Я, онемев, смотрела на экран. Прекрасно знаю этого милиционера. В том месте, где с шоссе нужно съехать, чтобы попасть на боковую дорожку, ведущую в наш коттеджный поселок, стоит пост ГИБДД, и с сотрудниками, сидящими в стеклянном «стакане», все ложкинцы поддерживают хорошие отношения. Вот этот, который сейчас рассказывает о происшествии, Миша...

Не надевая ботинки и куртку, я прямо в тапках помчалась в гараж и, почти теряя сознание, распахнула тяжеленную дверь. Огромное пространство, рассчитанное на четыре машины, зияло пустотой. Ни роскошного Аркашкиного джипа «Мерседес», такого квадратного, черного, ни юркого Зайкиного «Фольксвагена», ни простых «Жигулей» Ирки... Не было и моего «Форда». Только у самой дальней стенки, поджидая будущее лето, смиренно стоял Маруськин мотоцикл.

Трясаясь от холода и ужаса, я вернулась в дом и позвонила ближайшим соседям, Сыромятниковым.

– Алло, – пропела Карина.

– Кара, – просипела я, – у нас большая неприятность, одолжи мне на пару часов одну из ваших машин.

– Бери любую, – ответила нежадная Карина. – Хочешь мой «мерс»?

– Нет, очень большой, лучше «Рено»...

– Но он старый и жутко выглядит...

– Дай «Рено»...

– Забирай.

Накинув куртку, я понеслась за ключами.

– Что случилось? – поинтересовалась Кара.

– Потом объясню. Вечером верну машину, не могу сейчас точно сказать, когда...

– Можешь совсем не отдавать, – отмахнулась Карина, – стоит, только место занимает, давно выбросить пора. Слушай, возьми «мерс», ну что ты, как бомжиха, на позапрошломодном «Рено»...

Но я уже завела мотор и понеслась по дороге, одной рукой держась за руль, а другой прижимая к уху сотовый.

Едва услышав голос Александра Михайловича, я завопила:

– Дегтярев! Полина...

– Знаю, – оборвал приятель, – ты небось ко мне мчишься?

– Да.

– Жду, – кратко сообщил полковник и швырнул трубку.

Я свернула влево, приглушила мотор и бросилась к посту ГИБДД. Одного взгляда хватило, чтобы понять, какой ужас разыгрался тут несколько часов назад. Бетонный столб накренился, у его основания был словно откушен большой кусок. Снег вокруг истоптан, а на обочине виднелось несколько темно-красных, почти черных, замерзших луж. Тут же валялась пара упаковок из-под шприцев, разорванный резиновый жгут и сиротливо лежал один коричневый ботиночек с опушкой из крашеного кролика.

– Дарья Ивановна, – подскочил Миша, – вы? Гляжу, «Рено» Сыромятниковых тормозит, думаю, с чего бы они, такие модные, на рухляди поехали...

– Эта рухлядь, – подал голос незнакомый мне парень, сидящий у стола, – поновей и покруче моих «Жигулей» будет. Я бы от такой тачки не отказался.

– Это вы их «мерса» и «Феррари» не знаете, – вздохнул Миша.

– Ты видел аварию? – налетела я на милиционера.

– Конечно, – ответил тот, – во жуть. Сижу себе, курю, утречко раннее, никого нет, благодать. Вдруг гляжу, «Форд» несется, прямо как на пожар... Ну, думаю, с чего бы Дарья Ивановна такое устраивает? Вроде аккуратная дама, а тут чисто ведьма. Тормознуть хотел, уж, извините, подумал, может, выпимши? Зачем же смерть на дорогу выпускать...

Михаил выскочил на улицу, но «Форд», не обращая внимания на постового, на четвертой скорости вошел в поворот, зад машины занесло, послышался скрежет, удар, дикий крик...

Все происшествие заняло минуту, нет, пару секунд... Миша даже не успел и моргнуть, как дорогая иномарка мигом превратилась в груды металлолома с зажатым внутри трупом.

– Прямо все настроение испортилось, – жаловался инспектор, – так хорошо день начинался, и на тебе! ДТП со смертельным исходом!

– Сама она виновата, – припечатал второй мент, – чего жалеть? Гололед, декабрь... Если она так всегда ездила, то точно не жилица была.

– Но вы-то тут никого не знаете, – неожиданно обозлился Миша, – а я пятый год стою и всех ихних друзей и родственников различаю... Полина аккуратная...

– Ну ты сказал, – хихикнул парень.

Миша замолчал. Я села в «Рено» и, стараясь не смотреть на кровавые лужи, тронулась с места. Уже подъезжая к Москве, я запоздало удивилась, почему Миша звал своего коллегу, такого же молодого парня, на «вы»?

Дегтярев встретил меня без улыбки.

– Полина! – выкрикнула я с порога.

Александр Михайлович кивнул.

– Ты уверен? – цеплялась я за последнюю на-дежду.

– Абсолютно!

– А врач ее осматривал, может, жива?

– Не может, – отрезал полковник, – там все кости перебиты, разрыв печени и легких, перелом шейных позвонков...

– Ты должен немедленно открыть дело!

– По какому факту? – выверился приятель. – Где предусмотренный законом случай?

Я села на стул, расстегнула куртку и устало сказала:

– Ну посуди сам! Сначала она по непонятной причине умирает...

– Ничего странного, – отрезал полковник, – я проверил. «Скорая» констатировала сердечный приступ. Самая обычная вещь.

– Но не в двадцать же лет!

– Ей двадцать три.

– Тоже не возраст. Ладно, хорошо, согласна, пусть дикая вещь, произошедшая в клинике, случайность, но взрыв машины? Сама по себе она не взлетит на воздух.

– Кто сказал про взрыв? – удивился Дегтярев.

Я растерялась.

– Но ведь «Жигули» загорелись, погибла Лена, подруга Поли...

– Ничего криминального, следов тротила не нашли, просто замкнуло электрику, вот и полыхнуло...

– Хорошо, пусть и это происшествие без злого умысла, но убитая дама в примерочной? Ведь туда вошла Поля, и никто не знал, что женщины поменялись кабинками!

– С чего ты взяла про выстрел?

– Полина сказала, а ей милиционер объяснил!

– Глупости. Никто никого не убивал.

– Я сама видела кровь!

– Ну и что? У умершей был туберкулез, просто случилось легочное кровотечение, и несчастная погибла в примерочной. Жаль, конечно, но опять ничего особенного.

– Но в занавеске была дырочка, такая круглая, с опаленными краями...

– Ерунда, – не сдавался Дегтярев, – кто-то случайно приложил к драпировке сигарету, от пули остается совсем другой след.

Я в растерянности добавила:

– Но Поля сама мне сказала, что кто-то за ней охотится...

– У Полины в голове солома, – обозлился Дегтярев, – вернее, была, потому она и разбилась! Виданное ли дело – так гонять...

– Она всегда ездила осторожно.

– А сегодня изменила этому правилу. Кстати, ты разрешила ей взять «Форд»?

– Нет, – пробормотала я, – она вчера не про-сила...

– Вот видишь, – удовлетворенно вздохнул приятель, – совершенно безголовая девица, сначала хватает бесцеремонно чужую машину...

– Но ее «Жигули» сгорели, – попыталась я оправдать девушку, – она небось только утром сообразила, что в институт не на чем ехать! Кеша с Зайкой отбыли в семь, за Маруськой школьный автобус прибыл в полвосьмого, а Поля только через тридцать минут после этого сообразила, что до города не добраться, ну и прихватила «Форд». Кстати, она хорошо знала: я всегда даю машину, если кому надо.

– Ага, – кивнул Дегтярев, – значит, она не захотела тебя будить?

– Именно!

– Влезла в иномарку и, естественно, не справилась с управлением. Сама виновата!

Честно говоря, я не ожидала от Дегтярева такой жестокости, но, наверное, профессия накладывает отпечаток на поведение. Вот и для моей подруги, Оксаны, человек, лежащий на операционном столе, всего лишь тело.

– Не могу жалеть больного, – говорит она, – потом обязательно проникнусь, а во время вмешательства ни за что.

И Женька зовет трупы «жмуриками», и Аркадий совершенно спокойно советует клиентам-«браткам», как лучше избежать ответственности. Он не думает в момент обсуждения стратегии поведения обвиняемого на суде, что перед ним убийца или разбойник. Работа есть работа, и иногда она огрубляет человека, лишает его эмоций.

– Значит, дело не откроют...

– Нет причин, не было случая, предусмотренного Уголовным кодексом.

– Когда можно забрать тело?

– Не нужно, – ответил Дегтярев, – я позвонил в Америку Нине, она приедет через пару дней и отвезет останки в США.

– Почему? – удивилась я. – И потом, как ты дозвонился, она уехала отдыхать!

Александр Михайлович вздернул брови.

– Это ее дело, где хоронить дочь. Говорит, в России никого не осталось, ухаживать за могилой некому. Насчет отдыха, не знаю. Набрал номер, Нина сняла трубку.

– Но кто же разрешит хоронить российскую гражданку в Штатах?

– Ты забыла, что Поля еще и американка, – напомнил Дегтярев.

Я прикусила язык. А ведь верно. В 1977 году Нинка была на пятом месяце, когда ей предложили сопровождать в Нью-Йорк в качестве переводчицы артистов то ли драматического театра, то ли какого-то симфонического оркестра, сейчас уже не вспомню. Тот, кто не забыл семидесятые годы, знает, как трудно, вернее, невозможно было попасть в Америку. Нинушка поколебалась пять минут и, естественно, согласилась. Рассуждала она просто: пять плюс два будет семь. Успеет вернуться до родов. К тому же Ниночка у нас дама полная, с большой грудью, живот у нее и без беременности выдавался горой... Одним словом, она рассчитывала на то, что никто ничего не заметит, и оказалась права. Никому и в голову не взбрела мысль о беременности переводчицы. Тем более что Нинка носилась колбасой, совершенно не испыты-

вая недомоганий. Правда, она постоянно покупала бутылочки, соски, костюмчики и невиданные в СССР непромокаемые трусики... Любопытствующим Нинка коротко сообщала:

– Скоро племянница должна родить...

Все шло прекрасно, неприятность случилась в предпоследний день гастролей. Ночью неожиданно начались схватки, и Нинку сволокли в госпиталь. Назрел жуткий скандал. Артисты улетели на Родину без переводчицы. Представитель советского посольства влетел в палату и начал злобно выплевывать фразы о предателях социалистического строя, решивших отдаться в лапы платной капиталистической медицины. Нинка страшно нервничала, ей даже закралась в голову мысль: а не попросить ли политического убежища? Дома-то все равно теперь жизни не будет. Остановило ее от этого поступка воспоминание о матери-пенсионерке...

Уж не помню, кто был в 1977 году американским президентом, но его супруга навестила с благотворительным визитом клинику, где лежала Нинка. Узнав, что в одной из палат лежит советская гражданка, родившая недоношенного младенца, первая леди мигом извлекла из этой ситуации все политические дивиденды.

Она направилась к Нинушке, принялась, элегантно улыбаясь для бесчисленных журналов, обнимать роженицу, а потом сделала несколько заявлений. Во-первых, все расходы по содержанию и пребыванию Нины с дочерью в клинике оплатит первая леди. Во-вторых, она готова стать крестной матерью младенца, в-третьих, девочка по законам США считается американской гражданкой, поэтому завтра в палату доставят соответствующий документ.

На другое утро в больницу и впрямь вновь прибыла жена президента. За ней двигались ладные парни, несущие огромную корзину с орхидеями и чемодан, забитый приданым для новорожденной.

Советское посольство мигом сменило звериный оскал на сладкую улыбку и даже прислало цветы и коробку шоколадных конфет.

Но, вернувшись в Москву, Нинка стала, как тогда говорили, невыездной. Вплоть до 1986 года ей не разрешали поездки за рубеж, даже в Болгарию, но потом система пала...

– Отправляйся домой, – велел Дегтярев.

Я машинально повиновалась и побрела по бесконечным коридорам к выходу.

– Дашка, привет! – крикнул бежавший навстречу Женька. – Отчего у тебя вид такой? Хочешь кофе?

Я кивнула. Женя впихнул меня в свой кабинет, включил чайник и потряс пустой жестяной.

– Погоди минуту, сахарку принесу.

Я хотела было сказать, что не люблю сладкий кофе, но Женька уже ускакал. В комнате стоял холод, я прислонилась к батарее и увидела на столе несколько листков, исписанных четким круглым почерком. Глаза машинально понеслись по строчкам. «Мною..., машина, номерной знак 277 МАМ, цвет баклажан...» Но это же автомобиль Поли, тот, что сгорел. Мне стало интересно. «...значительное обгорание салона... следы копоти...», так, что там в конце? «...на основании вышеизложенного...» «...следы взрывчатого вещества, предположительно...»

Скрипнула дверь, я мигом закрыла веки. Женька весело сказал:

– Эй, просыпайся, кофеек прибыл.

Сглатывая противную сладкую жидкость, я затеяла абсолютно пустой разговор о всякой ерунде, потом перешла к происшествию в переходе у метро «Тверская» и, основательно запудрив приятелю мозги, с самым невинным видом спросила:

– Ну почему решили, что это теракт? Там стояла палатка, где готовили шаурму, в ней имелись газовые баллоны... Несчастный случай.

– Экспертиза выявила следы взрывчатки, – спокойно пояснил Женька.

– Ну и что?

– Значит, теракт, – терпеливо пояснил Женя, – ни с того ни с сего тротил не найдется.

– А эксперт может ошибиться?

Женя хмыкнул:

– Но не в этом случае. Нет, раз уж обнаружили следы взрывчатки, была бомбочка.

Домой я не поехала, села в «Рено» и закурила, бездумно глядя, как сизая струйка поднимается к потолку. Потом, откуда ни возьмись, появилась злоба. Ну, Дегтярев, погоди! Обманул меня, обвел вокруг пальца, как наивную дуручку, а я поверила! Нет, Полю убили, уж не знаю, каким образом ее заставили въехать в столб, но охотились за ней планомерно. То-то ей стало плохо с сердцем, но небось не рассчитали дозу, затем решили взорвать в машине, потом застрелить в магазине...

Внезапно я вздрогнула. В больнице, в 305-й палате, на кровати лежала мертвая женщина, а в справочном окошке сообщили, что это... Полина! В этой клинике отвратительные порядки. Мы увезли Полю, а никто из медиков не озаботился сообщить в справочную, значит... Киллер, узнав о воскрешении девушки, приехал в больницу, спросил в окошке, где лежит Железнова, и ему ответили: «В 305-й». Бедная больная, оказавшаяся на этом месте. Кошмар, просто ужас!

Минуточку.

От неожиданной мысли я подскочила и больно ударилась правой коленкой о руль. Значит, убийца таился где-то около Полины! Он мигом узнавал про все: про воскрешение, про то, что в машине погибла другая девушка, и тут же предпринимал новую попытку. Подстерег момент, когда Поля осталась одна, и выстрелил в кабинку. В магазине толкалась такая прорва народа! Но опять же ей повезло... И только последняя попытка удалась. Как он заставил Полю наехать на столб?

Посидев еще минут десять, я приняла решение. Так, Дегтярев не хочет открывать дело. Что ж, мотив понятен, близится конец года, и полковник не желает портить «раскрываемость». Он-то великолепно знает, что никаких настырных родственников, требующих торжества справедливости, у Поли нет. А как ловко он навешал мне макарон на уши! Ну, толстяк, погоди. Не хочешь искать убийцу Поли, не надо. Я сама займусь расследованием. Не могу же я позволить, чтобы убийца разгуливал на свободе. Поля мне близкий человек, помню ее младенцем, потом маленькой девочкой... А у меня в отличие от Дегтярева не каменное сердце, да я спать не смогу, если не узнаю истину! Представляю, какую рожу скорчит полковник, когда узнает, что я раскрыла тайну гибели Поли! Его перекосит, и, впрочем, совершенно заслуженно...

Так, главное не суетиться, чтобы никто не заподозрил, что я решила заниматься частным сыском, в особенности следует опасаться детей и полковника. Лучше всего сейчас поехать в «Макдоналдс» и спокойно раскинуть там мозгами. У меня за плечами есть кое-какой опыт детективных расследований...

Я зажгла сигарету, завела мотор, потом сказала сама себе тихо:

– Дашутка, будь откровенна, тебе нравится распутывать криминальные истории, и ты просто обалдела от безделья!

Что ж, и это верно, наконец-то моя праздная жизнь наполнится смыслом. Конечно, никто не мешает пойти преподавать, но разве скучный труд учителя можно сравнить с увлекательным ремеслом сыщика?

ГЛАВА 7

Просидев полчаса в «Макдоналдсе» и съев на нервной почве сразу два чизбургера, я наметила план действий. Начну, пожалуй, со Спиридонова.

Костик живет в одном доме с Полиной, более того, в соседней квартире. Нина дружила с бабушкой Кости, Галиной Ивановной. Пожилая женщина воспитывала мальчика одна. Родители Кости очень давно, когда сыну только исполнился год, отправились в горы. Оба они были заядлые альпинисты, молодые, здоровые, веселые... Что произошло на Эльбрусе в действительности, Галина Ивановна никогда не рассказывала, ей всегда было трудно вести разговоры на эту тему, мы знали только, что Вася и Тоня погибли при восхождении.

Галина Ивановна одна поднимала внука, что на зарплату медсестры было очень непросто. Женщина не отказывалась ни от какого заработка, крутилась как белка в колесе и с благодарностью принимала вещи, из которых выросли другие дети. В свое время я частенько отдавала ей Аркашкины куртки, рубашки и шапки. К сожалению, брюки Кеша протирал мгновенно, а ботинки за два месяца ухитрялся разбить так, что их приходилось выбрасывать на помойку.

Костик дружил с Полей буквально с рождения, у них разница в возрасте всего неделя. Вместе сидели в песочнице, вместе пошли в детский сад, потом в школу... Правда, классе в третьем, когда их начали дружно дразнить «тили-тили тесто, жених и невеста», ребята временно поругались, но в девятом классе сели вновь за одну парту и больше не обращали никакого внимания на подколы.

Честно говоря, я думала, что они поженятся сразу после выпускных экзаменов, но Поля и Костя решили, проявив несвойственную молодым рассудительность, сначала поступить в вуз. Правда, потом они собрались подать заявление в загс, но умерла Галина Ивановна. Какая уж тут свадьба...

Через год Костя и Поля вновь засобирались во Дворец бракосочетания, но на этот раз все планы дочери поломала Нинуша, спешно расписавшаяся с Тедом... В третий раз женитьба отложилась не помню из-за чего... И вот теперь Костя стал вдовцом, не успев превратиться в мужа. Если кто и знает про Полю все, так это он.

Забыв включить у «Рено» сигнализацию, я влетела в подъезд, пешком добежала до третьего этажа и стала звонить в квартиру. Мелодичное треньканье неслось из-за двери, но Костик не спешил открывать. Может, он в ванной? То, что парень у себя, я знала совершенно точно. У входа была припаркована его красная «Нива». Костя никогда не ходит пешком, даже в хлебный ларек, расположенный в ста метрах от дома, он покатит на автомобиле. Даже Аркадий иногда пользуется ногами, но Костик вечно на колесах. Просто не юноша, а автозавр.

Я жала и жала пупочку, звонок заливался, словно обезумевший. Внезапно мне в голову пришла страшная мысль. Парню сообщили о несчастье с Полиной, и он решил покончить жизнь самоубийством...

– Костик, – завопила я, колотя дверь ногами, – Костик, немедленно открой, а то сейчас милицию вызов!..

Послышались шаги, щелкнул замок, и на пороге возник Костя с красным лицом, странно блестящими глазами и взлохмаченной головой. Я посмотрела на его футболку, надетую наизнанку, и спросила:

– Ты спал?

Парень кивнул и спросил:

– Даша, что случилось?

Значит, Дегтярев еще не звонил ему, и мне придется сообщить юноше ужасную весть. Не зная, как приступить к делу, я довольно резко поинтересовалась:

– Войти можно или на лестнице разговаривать будем?

Костя улыбнулся:

– Ты чего такая сердитая? Иди на кухню. Кофе хочешь?

У Костика крохотная однокомнатная квартирелка. Прямо возле входной двери расположен совмещенный санузел, куда невозможно поставить стиральную машину. Если сделать один шаг вперед, то сразу попадаете в комнату, шагнете еще раз и окажетесь в пятиметровой кухне, ни прихожей, ни коридора тут нет, ей-богу, у наших хомяков домик больше... Чтобы хоть чуть выгадать пространство, Галина Ивановна в свое время сняла двери в комнату и кухню, повесив в проеме занавески. Когда Костя был малышом, бабушка задергивала драпировку, чтобы не мешать ребенку спать, но потом, сколько помню, они всегда были раскрыты. Однако сегодня вход в комнату оказался занавешен. Наверное, Костик постеснялся продемонстрировать мне кровать с не очень свежим постельным бельем...

Пока закипал чайник, мы молчали. Потом Костя спросил:

– Что случилось?

Я постаралась оттянуть тягостный момент:

– Ну... э... так, пойду, руки помою.

– Иди, конечно, – разрешил хозяин. Я села на унитаз и призадумалась. Надо бы сообщить Константину жуткую новость, но дико не хочется. Почему на мою долю постоянно выпадают неприятные обязанности! Так и не придумав ничего путного, я тихонько вышла из ванной, увидела, что Кости на кухне нет, и решила. Уверенным жестом я отдернула штору и начала:

– Костя!

Но продолжение фразы застыло в горле. Услышав мой голос, парень обернулся и попытался закрыть своим телом кровать... Однако я все равно заметила то, что он пытался спрятать.

Постельное белье вопреки ожиданиям было безупречно свежим и даже выглаженным. Наволочка радовала глаз кружевами. По подушке разметались длинные, темные, кудрявые волосы, обрамлявшие узенькое личико незнакомой девицы.

– Ну какого черта ты в комнату прешься, – неожиданно зло заорал Костя, – не видишь разве, занавеска закрыта!

– Прости, пожалуйста, – залепетала я, – я и предположить не могла, что ты не один.

– Я, по-твоему, евнух? – злобно бросил Костя, бесцеремонно выталкивая меня в коридор.

– Но Поля...

– Что Поля? – вызверился Константин.

– Вы же собирались пожениться!

– Мы расстались, – сухо сказал Костя.

Я оторопела.

– Когда?

– В конце ноября.

– Не понимаю...

– Что тут особенного, – парень пожал плечами, – надоели друг другу за столько лет, стали ругаться и решили, что не зря нас господь от свадьбы отводил. Сама вспомни: то одно, то другое... Вот и решили остаться друзьями.

– Но ты так плакал, когда узнал о смерти Поли...

– Ясное дело, всю жизнь рядом провели, только жениться на ней мне решительно расхотелось, да и у нее также, судя по всему, охота пропала. Кстати, она первая начала, завела себе мужика, пришла с ним к Ленке Ракитину на день рождения. А раз пошла такая пьянка, то и я со Светой решил!

– Почему же нам ничего не рассказали!

– А что, мы должны были о своих отношениях по радио объявить? Тоже мне событие! Ты сколько раз разводилась?

– Четыре...

– Ну вот, а нам нельзя?

Я молчала.

– Погоди-ка, – велел Константин.

Он встал и вышел из кухни, не забыв при этом тщательно задернуть занавеску. Потом послышались осторожные шаги, шепот и стук входной двери. Через секунду Костик отодвинул драпировку и оповестил:

– Мы одни. Светка ушла, вот теперь и поговорим откровенно, коли тебе этого так хочется! Только сразу предупреждаю, ничего хорошего не услышишь!

– Полина... – я попыталась вновь завести неприятную беседу, – ...Полина...

– Что? – заорал Костя. – Что Полина? Белый ангел с крылышками, а я монстр? Так, да? Вы всегда на ее стороне...

– Но Поля...

– Полина жуткая дрянь, – припечатал Костя, – отвратительная особа без совести и чести!

– Что ты такое говоришь? – возмутилась я. – Не неси бред.

– А-а, – протянул Костя, – впечатление произвести, это она умеет. Глазки в пол, улыбка на роже... Ангелочек, а не девочка. Да хочешь знать, она еще во втором классе деньги у ребят в раздевалке из карманов тырила! Мне все ее проделки известны! А вот ты ее совсем не знаешь!

– Мы довольно часто встречались, – отбивалась я.

– Ага, – хмыкнул Костя, – раз в три месяца... Конечно, при тебе она вела себя соответственно, тихоня, все приличненько... Воспитанная девица, фу-ты ну-ты, в одной руке ножик, в другой – вилка... Ой, е-мое, собачки мои золотые, ах, Дашенька, как тебе эта кофточка идет...

– Прекрати кривляться! Полина милая, великолепно воспитанная...

– Да дрянь она! – завопил Костя. – Тварюга! Аню Попову помнишь?

Я возмутилась:

– Что ты глупости спрашиваешь, естественно. Лучшая подруга Полины, они пару раз к нам вместе приходили. Анечке еще очень Хучик понравился, на похоронах Аня...

– Так вот, Анька с Полей уже полгода не разговаривает!

– Почему? – изумилась я.

– Хрен ее знает, – отозвался Костя, – я один раз в метро с Поповой столкнулся, давай расспрашивать, а та только дернулась и говорит: «Убить ее мало!» Так и не знаю, чего у них случилось. А знаешь, что она со мной проделывала?

– Нет.

Костя закурил и начал выплескивать информацию.

– Я-то был в нее влюблен, как цуцик. Просто сох, и сразу после выпускного бала с предложением разбежался. Мол, давай по жизни идти вместе, рука об руку, семья – ячейка общества.

Но Поля обняла кавалера и сказала:

– Костик, мне надо поступить в институт, да и тебе лучше дальше учиться. Богатых родственников у нас нет, волосатой руки – тоже, помочь некому. Моя мама человек малообеспеченный, а ты вообще сирота... Нет, следует подумать об образовании...

Костя признал правоту любимой девушки и начал готовиться в институт. С Полиной тем летом они совсем не встречались. Сначала она сдавала экзамены в институт переводчиков, престижное заведение, где год обучения стоит почти как в Кембридже – десять тысяч долларов. Поля такие средства и в глаза не видела, поэтому хотела попасть на бесплатное место, их имелось всего двенадцать, и нужно было получить пятерки по всем предметам. Затем, когда она успешно прошла испытание, экзамены начал сдавать Костя. Хитрый парень, не желая попасть в армию, выбрал для поступления абсолютно беспроектный вариант: педагогический вуз, факультет дошкольного воспитания. Там ковались кадры для детских садов, и маль-

чиков, желавших стать воспитателями, попросту не было. Декан факультета строго-настрого предупредил членов приемной комиссии:

– Если какой юноша вдруг подаст документы, обласкать, как родного, и сделать все, чтобы поступил.

Поэтому в отличие от Поли Костя готовился спустя рукава, знал, что все равно попадет.

Двадцатого августа, увидев свою фамилию в списках, парень позвонил Поле, хотел пригласить ту в кафе, отпраздновать удачу, но ее мать, Нина, удивленно протянула:

– Костенька? Ты разошелся с Полиной? Торопись давай, небось они с Аней тебя уже на вокзале ждут!

– На каком? – не сумел скрыть удивления юноша.

– Ты забыл дорогу к нам на дачу? – спросила Нина. – Конечно, на Киевском. Я же слышала, как Поля с тобой договаривалась. На платформе, под часами, возле ларька «Союзпечати».

Костя мигом оделся и понесся в указанном направлении. Честно говоря, он слегка обиделся на девчонок, решивших по-тихому слинять за город.

Естественно, на платформе уже никого не было. Костя вскочил в электричку, добрался до Мичуринца, быстрым шагом дошел до нужного дома, толкнул калитку и увидел на веранде Полю с каким-то мужиком.

Незнакомец бросил на юношу быстрый взгляд и мгновенно исчез в доме. Поля довольно зло спросила:

– Откуда ты узнал, где я?

– Нина сказала.

– Езжай домой! – велела девушка.

– Значит, ты... – протянул Костя.

Но Полина не дала ему договорить, короткими, сильными движениями она вытолкала влюбленного кавалера за калитку, потом через забор тихо сказала:

– Это ректор моего института.

– Зачем он тут? – с трудом соображал Костя.

Поля вздохнула:

– Слушай, чудак, нужных мест всего двенадцать, а у меня по сочинению четверка выходила. Правда, она все же превратилась в конце концов в пятерку, но дармовые пирожки лежат только в корзине под гильотиной. Я теперь студентка первого курса, причем не отдам за обучение ни копейки. Однако настал час расплаты. Усек? Так что езжай домой.

– Ты хочешь сказать... – по-прежнему отказывался верить Костя.

– Путь на экран лежит через диван, – спокойно пояснила Поля.

– А как же я? – глупо поинтересовался парень.

Полина улыбнулась:

– А что изменилось? Если бы не идиотская случайность, ты и не узнал бы никогда. Люблю я тебя одного, а это так, вроде визита к зубному врачу, зажмурился, потерпел немного – и готово. С меня не убудет, и от тебя не отвалится...

– И как ты поступил? – спросила я.

Костя хмуро ответил:

– Уехал домой. Заявление в загс, естественно, подавать не стали, мы вообще до Нового года не разговаривали...

– Потом помирились?

Юноша кивнул:

– Она первая подошла. Извини, прости, люблю, обожаю, давай дружить!

– А ты?

– Дурак был, вот и решил все с чистой страницы начать.

Опять пошли разговоры про свадьбу, даже подали заявление и наметили день 12 августа. Но в июле По-лину отправили на практику в «Бизнес-банк». Восьмого числа девушка встрети-лась с управляющим, неким Андреем Карцевым, и у них вспыхнул бешеный роман.

– Она явилась ко мне, – выплескивал душу Костя, – и с порога заявила: «Люблю только тебя, но извини, мы нищие, голь перекатная, жить негде... Ну куда денемся после свадьбы?»

Костя попытался возразить:

– У меня есть собственная квартира.

Поля всплеснула руками:

– Да в ней, кроме тебя, и канарейка не поместится! А если дети пойдут?

– Ну станем жить у вас, – не сдавался Костя, – разобьем стену, получим из твоей трех-комнатной и моей однокомнатной шикарные хоромы, для кучи детей хватит.

– Ага, – кивнула Поля, – с моей мамочкой вместе! Нет уж, уволь, хочу свою жилплощадь, сто метров!

– Где же ее взять? – усмехнулся Костя.

– Вот, – Поля подняла вверх палец, – самый вопрос! Мне подарит квартиру Андрей, он чудовищно богат, ему это раз плюнуть, даже не заметит. Так что свадьбу придется отложить примерно на полгода. Шесть месяцев поизображаю африканскую страсть, а потом разойдусь с ним. Начнем жизнь не с нуля, а на всем готовом. Кстати, может, и машину подарит!

Костя обомлел, а потом, не говоря ни слова, встал, оделся и ушел на улицу. Когда он часа через три вернулся назад, Поли не было, только в воздухе витал тонкий аромат дорогих духов.

– А мы думали, что бракосочетание было отложено из-за смерти Галины Ивановны, – пробормотала я.

– У нас все было намечено на 12 августа, – покачал головой Костя, – а бабушка умерла 23 августа. Это я всем врал, что женитьба сначала из-за ее болезни расстроилась, а уж потом все и забыли, что к чему. Только мне на руку было, очень не хотелось правду рассказывать.

– И вы опять помирились?

Костя кивнул.

– Андрей этот хитрым оказался, никаких квартир дарить не стал, и вообще потом выяс-нилось, что у него денег нет. Все средства папеньки, который такой крутой, просто жуть, а сыночек у олигарха прикрытием служит. Одним словом, вышел облом у девчонки!

И снова Поля прибежала к Косте и начала петь ту же песню:

– Люблю только тебя, хотела, чтобы у нас все было, только для семьи старалась...

И Костя, влюбленный до безумия в Полину, опять простил девушку. Они возобновили отношения, но прежней радости уже не было. Парень перестал доверять невесте, начал ревновать... Поля злилась, огрызалась, раздражалась... Словом, не успев пожениться, они вели себя как утомленные друг другом супруги.

В очередной раз свадьбу отложили из-за Нины. Тед хотел пожениться в США, Нинуша вместе с Полей вылетели в Америку. Полина специально ради этой поездки сдала досрочно летнюю сессию. 18 мая Костя провожал их в Шереметьево. Полина обняла его и сказала:

– Не грусти. 10 июня вернусь назад, а пятнадцатого мы и сами распишемся.

Но десятого она не прилетела, позвонила тринадцатого и радостно прощбетала:

– Костик, тут такие сложности с билетом... Если заказывать за несколько дней, то в три раза дороже. Тед не хочет лишние деньжищи платить! Поэтому я вернусь в августе, прямо к началу занятий. Не грусти, люблю только тебя.

Знакомый припев вонзился в Костю, как нож. Ему стало понятно, что в Штатах у его вечной невесты опять приключился роман. Но Америка не платформа Мичуринец, просто так туда не попасть. Костя промаялся лето в городе, а 29 августа Поля, похорошевшая, загоревшая, прилетела домой и принялась вываливать новости.

Все чудесно, Тед свозил их во Флориду, в Америке очень весело, кругом счастливые лица, мама до-вольна...

– У тебя там был любовник, – не сдержался Костя.

– Да ерунда! – рассмеялась Поля. – С чего ты взял? Нет, если бы я встретила там свою судьбу, то осталась бы обязательно, знаешь, как там здорово!

Внезапно Костя сообразил. Кавалер был, и роман тоже, просто, как всегда, у Поли ничего не получилось. Отчего-то все мужчины только укладывали Полину в постель и не предлагали замужества. Под венец ее звал один Костя. Наверное, Поля держала старого приятеля в качестве запасного варианта. По принципу: лучше такой супруг, чем вообще никакого, но едва на горизонте появлялся кто-то более перспективный, как девушка мигом отбрасывала верного Ромео, словно сношенные тапки. Очевидно, на лице Кости отразились все эти размышления, потому что Полина быстро завела прежнюю песню:

– Люблю только тебя...

Правда, этой осенью она вела себя безупречно. Но в октябре у нее откуда-то стали появляться деньги. Костя, запросто заходивший в квартиру к Полине (он имел ключ от двери), наткнулся постоянно на новые приобретения. Ванная наполнилась дорогой косметикой и элитными духами, в шкафу появилась шубка из голубой норки, и старенький, раздолбанный «Москвич» был заменен на новенькие «Жигули», причем самой дорогой модификации, «десятку». В квартире, откуда ни возьмись, появились дорогой видик, роскошный музыкальный центр, а в холодильнике на полках лежали продукты не с оптушки, а из шикарного супермаркета.

На Костин вопрос: «Откуда деньги?» – Поля спокойно заявила:

– Нина теперь присылает, на работу хорошую пристроилась...

Но тут подоспело восьмое ноября, день рождения Нинуши, и Костик позвонил за океан. Будущая теща обрадовалась, поблагодарила за поздравление, а на вопрос парня: «Как дела?» – со вздохом ответила:

– Ну что тебе сказать? С одной стороны, хорошо, дом – полная чаша, проблем никаких... А с другой... Тед, как все американцы, очень расчетлив. Это не наш русский мужик, который ради детей рубашку с себя снимет. У них все по-другому, закончил колледж – иди работай. Родители помогать не станут. Вот и он не разрешает мне деньги Поле посылать, а сама я не работаю...

– Совсем ничего не передаете? – уточнил Костя. – Ни копейки?

– Ну, когда она приезжает, – пустилась в объяснения Нина, – Тед не жадничает, в рестораны ее водит, на концерты, покупает подарки, но деньги не дает. Менталитет у него такой...

Не успел Костя подумать, что ему сказать Полине, как гадкая обманщица сама пришла к жениху и затараторила:

– Прикинь, пришлось замок менять, старый сломался.

Она долго рассказывала эпопею с запором, описывала визит мастера, называла цены... Но! Но нового ключа Косте не дала. И парень понял, что в жизни Полины вновь возник мужчина, а ему опять отведена неблагоприятная роль идиота.

Костя очень любил Полину и искренне хотел быть вместе с ней всю жизнь. Более того, обладая на редкость неконфликтным, ровным, мягким, каким-то женским характером, много раз прощал девушке всяческие художества... Но это было уже слишком. Все-таки Костя принадлежал к существам мужского пола...

Надо было, наверное, залепить мерзавке пощечину или гневно заорать:

– Все знаю! Твоя мать не присылает ни копейки, отвечай, дрянь, кто тебе покупает шмотки и мазилки?

Но Костя только спокойно протянул:

– Замок... Да, дело непростое, сразу и не найти такой, чтобы подошел!

На следующий день после разговора парень улыбнулся хорошенькой хохотушке Светочке, давно строившей ему глазки, и пригласил ее на дискотеку. Любовь к Полине испарилась.

– Она выдавила меня, как тубик с зубной пастой, – вздыхал Костя, – дождала до самого конца, ничего не осталось...

Я молча смотрела на него, не зная, как вести себя дальше, и тут затрезвонил телефон.

– Да, – сказал Костя, – привет, Анька.

Потом лицо его медленно вытянулось и побледнело, трубка свалилась на пол.

– Полина, – прошептал он, – Поля... Ты знаешь, она...

Я кивнула.

– Ты знала?

– Собственно говоря, я пришла, чтобы сказать про ее кончину, сначала боялась, но раз ваши отношения разорваны...

– Боже, Поля, – простонал Костя, – ничего ты не понимаешь, я люблю ее, но не могу жить с ней, ненавижу и люблю... Господи, за что? Ужасно...

Он уронил голову на стол. Я открыла холодильник. Внезапно Костя спросил:

– Что ты ищешь?

– Валокордин или валерьянку...

– У меня ничего такого нет.

Я налила стакан воды, подала парню и сказала:

– Хочешь, схожу в аптеку?

– Не надо, – прошептал Костя, – сделай доброе дело, уйди, оставь меня одного...

Я колебалась.

– Уйди, – повторил Костя, – бога ради, исчезни, не волнуйся, все в полном порядке, но мне лучше остаться наедине с собой, понимаешь?

Я кивнула и ушла.

ГЛАВА 8

На улице сильно похолодало, а я, как большинство автомобилистов, не ношу теплое пальто или шубу, в длинном одеянии неловко сидеть за рулем, поэтому успела основательно замерзнуть, добежав до «Рено». Чтобы согреться, я включила печку и закурила. Однако Полина раскрылась с неожиданной стороны. Впрочем, Костя прав, я практически не знала девушку. Мы с Ниной довольно близко дружили. Нинуша часто приезжала к нам с Наташкой в Медведково вместе с дочкой. Разница в возрасте не мешала Кеше и Полине играть вместе, к тому же Аркадий чувствовал себя взрослым на фоне девочки и был галантен без меры. Поколотил он ее всего пару раз, и то за дело. В детстве Полина была жуткой ябедой и мигом наущничала матери о чужих проказах.

Став старше, она приезжала уже не столь часто...

Я призадумалась. Внезапно мне стало понятно, что новый всплеск любви к нам у Полины совпал с получением нами богатства. До того она не была у нас года два, правда, всегда звонила поздравить с днем рождения и Новым годом.

Но только Наташка превратилась в баронессу Макмайер, как Полина стала проводить у нас все выходные. Один раз мне даже показалось, что ей нравится Аркашка. Она на него так смотрела! Но потом я подумала, что ошиблась... Они ведь были знакомы с детства, и никогда ничего похожего на влюбленность между ними не намечалось. И потом, в тот год, когда мы совершенно неожиданно разбогатели, Кешка уже был женат на Зайке, а у Поли имелся Костя...

Полина ездила с нами в Париж. Воспоминания увели меня в прошлую осень. Вот мы с ней входим в магазин «Самаритэн», где покупаем ей обновки. Причем множественное число глагола «платить» тут не подходит. У кассы всегда расплачивалась я. Впрочем, я же давала ей деньги и в Москве, просто подсовывала в сумочку. Поля никогда не просила, но я знала, что с наличностью у нее швах. Кстати, Зайка частенько дарила ей духи, косметiku, красивое белье... Мы считали Полину родственницей, ну кем-то вроде племянницы...

Плавную цепь воспоминаний прервал звонок.

– Ты где? – рявкнула Зайка.

– На улице, недалеко от Новослободской.

– Немедленно езжай домой!

– Почему?

– Как это?! – закричала Ольга. – Забыла?! А се-риал?!

– Но при чем тут я?

– При том, быстрее возвращайся, все ждут, Борис жутко ругается!

Тяжело вздохнув, я выжала сцепление и врубила первую скорость. Так и знала, покоя теперь не будет.

Наш холл походил на кошмар. Гроб стоял у стены, и в нем опять спал Банди. Вся вешалка была забита куртками, дубленками и шубами, по полу тянулись толстые черные провода. Из гостиной доносился повелительный голос Бориса:

– Так, сели, Ольга, берешь яблоко, поехали...

Я приоткрыла дверь и зажмурилась. В комнате ослепительно били прожектора.

– Кто там? – заорал режиссер.

Потом увидел меня и сменил гнев на милость:

– О, Дашенька, чудесно, очень вовремя, у нас сцена семейного обеда. Сядьте возле Ольги...

– Делать-то что? – спросила я, покорно усевшись на стул. – Слова какие говорить?

– Ведите себя естественно, – посоветовал Борис, – ну, улыбайтесь, шутите, как обычно во время приятного совместного времяпрепровождения...

Я посмотрела на бледного Аркадия, потную Маню, красную Зайку и подавила вздох. Естественно, так естественно, только, надеюсь, Манюня и Кеша не начнут, по обыкновению, ругаться. Как правило, Аркадий с воплем: «Ты жиртрест, промсарделька», – отнимает у сестры пятый кусок торта, который та, совершенно не заботясь о фигуре, мирно тащит в рот. Впрочем, Манюня, никогда не дающая себя в обиду, мигом начинает орать: «Отвяжись, глиста в скафандре».

На этой стадии ласковой семейной беседы, как правило, вмешивается Ольга, а я стараюсь незаметно испариться, чтобы осколки от рвущихся снарядов случайно не попали в мою голову.

Но сегодня дети, желавшие прославиться на всю страну, вели себя невероятно.

– Так, начали! – взвизгнул Борис.

Я уставилась прямо в камеру, над которой горела красная лампочка. Надо же, вроде ерунда, просто прибор для съемки, а как гипнотизирует! Язык прилип к нёбу, руки словно связаны... Очевидно, Боря понял, в чем дело, потому что сразу сказал:

– Даша, сейчас только порепетируем. Ставлю задачу: у вас мирный семейный обед, такой, как всегда. Непринужденная беседа, вкусные блюда... Все естественно, без натуги, легко... Не надо зажиматься, когда начну снимать, предупрежу, ну, давайте, раньше начнем, раньше закончим. Главное – естественность. Ну, Маша, вперед, вроде ты самая спокойная!

Манюня покраснела, тихонько кашлянула и завела:

– Дорогой Кешик, будь любезен, передай, пожалуйста, кусочек торта!

– С большим удовольствием, дорогая, – расплылся в улыбке брат, – тебе какой? Со взбитыми сливками или клубникой?

– Я отдаю предпочтение выпечке с кремом, – ответила Маня.

– Не пойти ли нам сегодня в музей? – спросила Зайка.

– Изумительная идея, – вновь разулыбался Кеша, – а ты, мамочка, согласна?

Старательно сдерживая хохот, я кивнула.

– Курица удалась, – завела Ольга, – в меру зажаренная.

– Очень аппетитная, – сообщил Кеша, не переваривающий курицу ни в каком виде – ни в вареном, ни в жареном, ни в пареном, – восхитительная птица.

– Кешенька, – продолжила Машка, – сделай одолжение, положи еще кусочек тортика, вон тот, с красной розочкой!

В глазах сына загорелся нехороший огонек, но ради Ольги он сдержался и чересчур сладким голосом, изображая из себя сахар в шоколаде, ответил:

– Конечно, моя радость! Может, сразу еще и ломтик бисквита с вареньем? Скушай сразу два.

Маруська вздернула бровь, но тоже подавила негодующий вопль и просюсюкала:

– Очень мило с твоей стороны, прямо восторг! Ты страшно любезен.

– В Музее русского быта, – гнула свою линию Зайка, – открылась удивительная экспозиция, посвященная костюму восемнадцатого века. В те далекие времена одежда...

Я усиленно делала вид, что занята поглощением салата. Больше всего боялась, что сейчас не удержусь и заржу во всю глотку, глядя на Ольгу. Заинька сидела абсолютно прямо, словно балерина на приеме у английской королевы, на ее устах играла самая приветливая улыбка, и к камере Ольга поворачивалась осторожно, великолепно зная, что в профиль ее нос кажется чуть-чуть длинноватым, зато вид в полуанфас красит ее невероятно. Аркадий перестал резать на мелкие кусочки несчастную птичку и уставился на жену. Маня старательно отковыривала ломтики бисквита, не забывая осторожно вытирать рот салфеткой.

– Многие дамы тех лет, – пела Заюшка, – старательно...

– Дорогой Кешенька, – занудела Маруся, – будь другом, мне бы хотелось еще вон того тортика...

Скатерть зашевелилась.

– Ой! – завопила Маня.

– Что случилось, мой ангел? – с самым невинным выражением на лице поинтересовался Кеша. – Ты прикусила себе язык?

Маруся побагровела, оперлась локтями о стол... Я тяжело вздохнула. Все!

– Чего толкаешься! – взвизгнула Маня.

Услыхав вопль, все наши собаки мигом пригалопировали из холла и уселись в ряд возле стола. Банди, дрожа от нетерпения, бешено замел на полу длинным тонким хвостом, а Хучик тихонечко застонал.

– Что с ними? – удивился Федор, стоявший за камерой.

Я хотела было ответить: «Псы просто знают, что сейчас произойдет», – но не успела.

– Душечка, – протянул Кеша, – по-моему, ты объелась, и торт ударил тебе в мозг! Кстати, в подростковом возрасте очень вредно употреблять столько жирной, сладкой пищи...

– Дурак, – завопила Маня, – глиста в скафандре!

– Сосисина, промсарделина, – мигом отозвался братец.

– Экспозиция музея напоминает нам, – пыталась изо всех сил спасти положение Зайка, но потерпела сокрушительную неудачу.

– Ах ты гад! – заорала Маруся и швырнула в Аркадия пирожок.

Слоеный пирожок, начиненный мясом, шлепнулся прямо к лапам дрожащего от вожделения Банди. Пит мигом слопал трофей. Хучик, понявший, что кому-то уже перепал вкусный кусочек, застонал совсем громко.

– Коли не умеешь себя вести, – сообщил Кеша, – ешь у себя в комнате, отдельно от всех. Кстати, швыряться тоже надо уметь.

И он, схватив другой пирожок, бросил его в Маню. На этот раз снаряд достиг цели, угодил прямехонько девочке в лоб. Машка вскочила, пирожок упал опять перед Банди. Обрадованный пит мигом слопал и этот подарок. Хучик зарыдал в голос.

Опрокидывая по дороге тарелки со сладким и чашки с чаем, Маша кинулась на обидчика с кулаками.

Хучик радостно понесся подлизывать крем с ковра.

– Русский костюм, расшитый жемчугом, – надрывалась Ольга, старательно пытаясь остановить сражение между муженьком и золовкой.

Но Аркашка уже схватил Маруську за руки.

– Отпусти немедленно! – вопила та.

Но Кеша быстро и ловко потащил ее в коридор, приговаривая:

– Хоть ты и ешь безостановочно, но силу не наела, все в жир уходит.

Маня колотила ногами в воздухе, но Аркашка в мгновение ока вытолкнул ее за дверь, повернул ключ и, совершенно не запыхавшись, спросил:

– Так что там про жемчуг?

Внезапно Зайка разрыдалась.

– Что я не так сделал? – удивился Кеша. – Старался, как мог, даже курицу ел, до сих пор мутит, а ты опять недовольна.

– Заткнись, – прошептала Ольга.

– Вот те на, – хмыкнул муженек, – не с той ноги встала?

– Эй, эй, – ожил Борис, – это совершенно не то! Сначала шло хорошо, а потом жуткая дрянь началась. Вы не поняли... Мне нужна сцена нормального семейного обеда, поняли? Ну еще разок, сначала.

– Ни за что, – отрезал Кеша, – снимайте только мать и Ольгу, меня увольте, ничего не выйдет, извините, я не обладаю актерскими способностями.

– Великолепно получится, – настаивал режиссер. – Дубль второй!

Я хотела было сказать, что все как раз только что вели себя очень естественно, но Аркадий встал, быстро подошел к двери и распахнул ее. Колотившаяся с той стороны Маруська совершенно не ожидала, что преграда между ней и столовой падет столь стремительно.

Потеряв опору, она влетела в комнату и упала возле сервировочного столика, задев его руками. Хлипкое сооружение мигом свалилось набок, несколько бутылок и графинов оказались на полу. Из горлышек, потерявших пробки, полилась жидкость, в воздухе мигом повис запах алкоголя.

– Ничего, ничего, – бормотал Борис, – ерунда, начнем еще, эй, Дарья, вы куда?

Но я уже бежала вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, – боже милостивый, избавь меня от семейного уюта! Пусть Зайка и Маруся становятся звездами экрана, мне же это совершенно ни к чему.

Вплоть до полуночи я не рисковала высовываться из своей комнаты. Судя по всему, съемки шли с полным размахом. Из столовой долетали команды:

– Свет. Мотор. Камера. Снято...

Слышались возбужденные голоса и топот. Около одиннадцати раздался шум двигателей и киношники уехали. Подождав для надежности целый час, я, как была, в коротенькой футболке, побрела на кухню. Очень хотелось есть.

На ступеньках лежала какая-то странная куча, похоже, кто-то потерял меховую шапку. Я присела на корточки и увидела Хучика. Мопс спал в нелепой позе, в совершенно невероятном для него месте. Как правило, он забивается в кровать ко мне или к Мане. Правда, охотнее всего Хуч проводил бы ночи с Ольгой, только не подумайте, что Хучик больше всех любит Зайку, нет, просто у нас у всех одеяла из овечьей шерсти, довольно тяжелые, а Ольга спит под пуховым. Хучику же нравится, когда на его жирненькое тельце ничего не давит, а поскольку он всегда дремлет, прижавшись к хозяевам, спрятав все тело под плед, то пуховая перинка – это то, что нужно. Но у Ольги в спальне обожают проводить время наши кошки, Фифина и Клеопатра. Устроившись уютненько в семейной постели, киски недовольно шипят, завидя Хуча, а мопс не рискует связываться с противными дамами. Он великолепно знает, какие острые когти прячутся в их бархатных лапках!

Но Хучик никогда не спит на лестнице, на жестких ступеньках, по которым гуляет сквозняк. Такое ощущение, что бедняга брел в спальню и свалился на полпути.

– Миленький, что случилось? – спросила я, трогая шелковую шерстку. – Ты заболел?

Хуч приоткрыл мутные глаза, попробовал встать на коротенькие лапки, но они разъехались, и мопс вновь рухнул на ступеньку. Правда, он не заснул, теперь Хучик громко икал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.